

ИНСТИТУТ ПРАВСТВЕННОСТИ

Санкт-Петербург, <https://in.ast.social> ni7571908@gmail.com

Горюнков Сергей Викторович

СМЕНА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени доктора философии

Специальность: философия

Санкт-Петербург
2023

УДК 001:167/168

ББК 71.0

Г 71

Горюнков С.В. Смена мировоззренческой парадигмы: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философии. – Санкт-Петербург, Институт нравственности, 2023. – 68 с.

Официальные оппоненты:

Эсеналиев Таалай Дуйшенович, доктор философии, профессор, директор Института международной безопасности и информальной юстиции

Барабанов Родион Евгеньевич, доктор философии психологии, заведующий лабораторией эконпсихологии Института психологии и информальной юстиции

Ведущая организация: Институт государственного управления

Защита в дистанционном режиме состоится «22» мая 2023 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философии (PhD) при Институте нравственности.

Квалификационная работа Горюнкова Сергея Викторовича размещена на сайте Института нравственности по адресу: (<https://in.ast.social>)

Автореферат разослан «22» апреля 2023 года

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат технических наук

Н.П. Сидоров

ISBN Серии книг «Нравственный путь человечества» 978-5-7199-0001-6

Подписано в печать 20 апреля 2023 года. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Бумага газетная. Тираж 100 экз. Заказ № 6/2023-ИН. Печатных листов 8,6. Произведено ИН, Санкт-Петербург. Изготовлено в 2023 г. Изготовитель: Институт нравственности, <https://in.ast.social>

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Мировоззрение человека – это совокупность взглядов, оценок, образных представлений и принципов, отражающих видение человеком этого мира и определяющих его мотивацию и поведение. Сформированное и осознанное отношение к миру придает жизни целенаправленный и осмысленный характер, потому что именно воспринимаемым образом мира задаются правила ориентации в нём.

В науке и философии мировоззренческая парадигма (от др.-греч. *παράδειγμα*, «шаблон, пример, образец», *παραδείκνυμι* — «представлять») означает определённый набор идей, верований, знаний, шаблонов мышления, включая теории, методы исследования, постулаты и стандарты, воспринимаемые человеком как истинные, правильные, разумные, логичные, обоснованные. Однако человечество многократно сталкивалось с тем, что их «правильные и истинные воззрения» приводят к многочисленным кровавым войнам. Носители «правильной парадигмы мышления» часто остаются без головы в буквальном смысле этого слова. А вопрос сохранения своей головы на плечах для миллиардов людей на планете Земля играет первостепенную роль, — чем и объясняется, в частности, историческая изменчивость парадигмального мышления. Не случайно за этой изменчивостью угадываются не только закономерности смысловой динамики, но и социально-политические интересы выгодоприобретателей данного процесса.

В настоящее время наблюдаются существенные препятствия для дальнейшего духовного развития человечества. Они выражаются в сознательной консервации стереотипов безнравственной культуры, деструктивного мышления, паразитического отношения к миру. Кризисные явления, охватившие общество и включающие в себя произвол социопатических групп, проникших в органы управления, вызывают к жизни и активизируют разного рода негативные тенденции в духовном развитии людей. Массовая нищета, отчуждение, борьба за выживание приводят к обеднению духовного мира человека. Идеологические принципы, идеалы, моральные и нравственные ценности претерпевают значительные деформации, частично оказываются утраченными. Более того: интеллектуально и духовно ослабший человек не просто утрачивает этическую ориентацию, но и понимание смысла её необходимости. Поэтому разрешение проблем, связанных с сущностью и спецификой смысловой организации культуры, её исторической динамики и, главное, её этической составляющей, адекватной проблеме выживания человечества, является насущной задачей философской науки.

В социокультурном аспекте формирование мировоззрения, адекватного назревающим запросам, предполагает ориентацию на некие универсальные ценности; поэтому его становление возможно лишь в контексте соответствующих поисков консенсуса в духовной сфере. Только такая ориентация может быть условием выживания человечества и основанием для выработки принципиально новых форм внутриобщественных отношений.

Обычно новые идеи одерживают победу не тем, что их противников переубеждают, а тем, что противники вымирают. Соответственно, новое поколение по-новому решает основные мировоззренческие вопросы, по-новому проходит сложный и трудный путь познания и преобразования действительности. При этом мировоззрение человека формируется предшествующей и современной ему культурной средой, множество элементов которой носит деструктивный характер. Поэтому представляется актуальным изучение истории мировоззрений, выявление содержащихся в них нежелательных элементов и обоснование способов их нейтрализации.

Исследованиями в этой области как раз и создаётся перспектива защиты общества от деструктивных идеологий, технологий и культов. Но решение всех таких проблем как в масштабах страны, так и во всем мире принципиально невозможно без их всестороннего анализа, содержащего множество взаимоисключающих друг друга подходов и обобщений. В то же время оно невозможно без осознания ментальных процессов как мощной движущей силы общественного развития, как инструмента понимания и преобразования реальной человеческой культуры во всей её полноте, сложности, противоречивости.

Проблема смены мировоззренческой парадигмы, несмотря на свой классический и «вечный» характер удаленности от разрешения, в начале ХХI была чётко сформулирована гуманитарными и социальными технологами (научная школа Института нравственности). Возможность её разрешения обусловлена разработкой нового вида технологий, получивших название экологических социальных (экосоциальных) технологий. Однако не менее важно добавить к этим технологическим разработкам и теоретическое обоснование смены мировоззренческой парадигмы, что и обусловило актуальность данного исследования.

Степень разработанности темы. Мировоззренческая проблематика – центральная в области философского знания. Классическими в её рассмотрении являются работы наиболее значимых представителей философской мысли, а именно Платона, Аристотеля, Плотина, Д. Локка, Б. Спинозы, Ж.-Ж. Руссо, К.-А. Гельвеция, И. Канта, Г. Гегеля, Л. Фейербаха, К. Маркса, Ф. Энгельса, Ф. Ницше, М. Вебера, Г. Лукача, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Ясперса, К.Г. Юнга, Э. Фромма, Ж.-П. Сартра, Ю.

Хабермаса. А наиболее влиятельная сегодня форма мышления – материалистическая – привела человечество к нравственному кризису, проявляющемуся в доминировании материальных интересов над духовными. Возникла угроза самому существованию человеческой цивилизации. При этом наиболее опасными последствиям бездуховности и бескультуры стали следующие явления:

морально-психологическое разложение людей, корыстные мотивы должностных лиц органов публичной власти, что выразилось в недоверии к власти;

массовое паразитическое поведение, гедонизм как образ жизни, социальная трусость и умственная скромность;

культурные ценности уступили место деньгам как основной ценности; в деньги стали верить как в Бога; монетаризм извратил сознание многих лиц в публичной власти, что привело к криминализации органов управления; рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения, злоупотребление властью в корыстных целях, массовое вредительство и систематическое мошенничество стали печальной отрицательной нормой дня;

деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложных представлений об истории государств и народов;

атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма, пренебрежение правами других.

Указ Президента России № 809 от 09 ноября 2022 года стал первым в мире правовым документом, закрепляющим юридические основания для активизации исследований в области мировоззренческой проблематики. Предельно актуальным стало философское обоснование понятий, используемых в данном направлении научной мысли, и прежде всего в тех, что связаны с этическим аспектом культуры, отражающим примат духовного над материальным.

Внесение возможно большей ясности в это направление философской мысли и определило выбор темы исследования: *смена мировоззренческой парадигмы*.

Цель исследования: обоснование необходимости и неизбежности смены мировоззренческой парадигмы мышления.

Объект исследования: содержание новой мировоззренческой парадигмы мышления.

Предмет исследования: методология изучения содержания новой мировоззренческой парадигмы мышления.

Гипотезой исследования приняты следующие утверждения:

старая мировоззренческая парадигма мышления основана на примате материального над духовным в мышлении и поведении человека;

новая мировоззренческая парадигма мышления основана на следующих принципах, правиле, методе и технологии:

глобальный экологический принцип (ГЭП): человек не должен вредить себе, другим людям и среде обитания;

глобальный этический нравственный принцип (ГЭНП): человек должен вести себя так, чтобы не вредить себе, другим людям и среде обитания;

нравственное правило III-C: не вреди себе (C1), соседям (C2), среде обитания (C3) ни мыслью, ни словом, ни делом; созидай для себя, соседей, среды мыслью, словом, делом;

технология смены этической мировоззренческой парадигмы основана на *дискурсивно-оценочном методе* (ДОМ), который заключается в организации широкого участия граждан в обсуждении и оценке социально-значимых решений с позиций ГЭП, ГЭНП, III-C;

экосоциальные технологии, под которыми понимается совокупность приемов применения дискурсивно-оценочного метода при формировании новой мировоззренческой парадигмы.

Для достижения поставленной цели и проверки положений гипотезы были определены следующие задачи:

1. Анализ причин возникновения проблемы смены мировоззренческой парадигмы.
2. Фиксация методологического кризиса в теоретических основах историко-материалистического мировоззрения.
3. Анализ древнейших форм ментальности (методика исчисления их смысловых структур).
4. Выявление метаязыкового содержания древнейших форм ментальности как описания структуры матричного принципа.
5. Рассмотрение ценностных аспектов новой мировоззренческой парадигмы.

Методологической основой исследования является дискурсивно-оценочный метод.

Теоретическую базу исследования составили труды следующих ученых: Уайтхед А.Н., Дарвин Ч., Данилевский Н.Я., Дэвид Бидни, Шацкий Е., Вернадский В. И., Берталанди Л. фон., Эшби У.Р., Любичев А. А., Леви Л., Даль В.И., Налимов В.В., Маркс К., Энгельс Ф., Юнг К.Г., Леви-Стросс К., Гумбольдт В. фон., Токарев С.А., Мелетинский Е.М., Лосев А.Ф., Фрейденберг О.М., Кассирер Э., Хайдеггер М., Гоулднер А., Огурцов А.П., Грибанов Н.И., Налимов В.В., Топоров В.Н., Гадамер Х.-Г., Четвериков С.С., Кармин А.С., Пригожин И., Хакен Г., Лефевр В.А.,

Марача В.Г., Пропп В.Я., Иванов Вяч. Вс., Дубровский Д.И., Кольцов Н.К., Картер Б., Кольцов Н.К., Чигирев В.А., Юнацкевич П.И.

Метод исследования: теоретический анализ и синтез философской литературы, посвящённой анализу процессов исторической динамики в смысловой организации культуры.

Положения, выносимые на защиту:

старая парадигма мышления, постулирующая примат материального над духовным в мышлении и поведении человека, основана на вульгарно-механистическом понимании исторического развития;

новую парадигму мышления, избавленную от этой дефектной предпосылочной основы, образуют следующие этические компоненты:

глобальный экологический принцип (ГЭП): человек не должен вредить себе, другим людям и среде обитания;

глобальный этический нравственный принцип (ГЭНП): человек должен вести себя так, чтобы не вредить себе, другим людям и среде обитания;

нравственное правило III-C: не вреди себе (C1), соседям (C2), среде обитания (C3) ни мыслью, ни словом, ни делом; создай для себя, соседей, среды мыслью, словом, делом;

технология смены этической мировоззренческой парадигмы основана на *дискурсивно-оценочном методе* (ДОМ), который заключается в организации широкого участия граждан в обсуждении и оценке социально-значимых решений с позиций ГЭП, ГЭНП, III-C.

экосоциальные технологии, под которыми понимается совокупность приемов применения дискурсивно-оценочного метода при формировании новой мировоззренческой парадигмы;

экологическая дискурсивная этика как область исследований, в рамках которой изучается нравственность и под которой понимается поведение, подчинённое вышеперечисленным принципам и технологиям.

Экологическая дискурсивная этика выражает основную сферу регуляции человеческих отношений и связанные с ней чувства солидарности, справедливости, свободы и этических ограничений поведения.

Экологическая дискурсивная этика лежит в основе экологических социальных технологий (экосоциальных технологий), под которыми понимается совокупность приемов применения дискурсивно-оценочного метода при формировании нравственного мировоззрения для всего человечества. Эти технологии используются для обеспечения смены мировоззренческой парадигмы мышления в Российской Федерации, и в других странах мира.

База исследования: научно-исследовательский центр «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕФОРМАТ» Научного консорциума высоких гуманитарных и социальных технологий.

Научная новизна исследования заключается в обосновании необходимости и неизбежности смены мировоззренческой парадигмы и в определении основного содержания новой парадигмы.

Зафиксирован кризис историко-материалистического мировоззрения, осуществлен анализ древнейших форм ментальности, выявлено их метаязыковое содержание, снято фундаментальное противоречие между «верой» и «знанием».

Теоретическая значимость исследования заключается в философском осмыслении природы и специфики мировоззренческой проблематики как поля проявления сознания людей и их обусловленной этим сознанием деятельности. Осуществлён категориальный анализ понятия «мировоззренческая парадигма», разработано его содержание, выявлены его структурные составляющие, а также место и функции в системе человеческой деятельности, что способствует заполнению пробелов, существующих в теоретическом осмыслении действительности.

Полученные в диссертации результаты имеют важное методологическое значение, так как дают возможность применять их в таких отраслях обществоведческой науки, где все настоятельней ощущается потребность в обобщающих подходах и синтетических теориях.

Результаты работы могут быть использованы для дальнейших исследований в области философии, культурологии, психологии и других гуманитарных науках.

Объединительная для мировоззренческих систем идея, нашедшая своё выражение в диссертации, может оказаться весьма значимой применительно к разрешению социально-политических и социокультурных коллизий во всех странах мира.

Разработка проблемы смены мировоззрения имеет важное значение как для формирования мировоззрения новых поколений, так и для познания собственного "Я". Поэтому идеи и результаты диссертационного исследования могут получить применение в практике преподавания философско-мировоззренческих дисциплин.

Полученные результаты могут рассматриваться при аксиологическом, педагогическом, психологическом и управленческом анализе различных форм сознания и деятельности.

Практическая значимость исследования состоит в обосновании смены мировоззренческой парадигмы, которая нашла свое отражение в Указе Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 года. Новые этические понятия, направленные на формирование, согласно данному Указу, нового высоконравственного гражданина России, могут быть использованы в содержании обучения и воспитания, ориентированного на созидательные цели.

Рекомендации к использованию: материалы исследования используются в мероприятиях по исполнению Указа Президента России № 809 от 09.11.2022 года в субъектах Российской Федерации.

Достоверность результатов исследования обеспечивается использованием дискурсивно-оценочного метода, опорой на анализ материала по ранним формам ментальности, обобщением эмпирического и теоретического опыта исследований институтов Академии экосоциальных технологий.

Обоснованность научных результатов и выводов исследования обеспечивается опорой на теоретические и эмпирические данные, полученные военно-научной школой В.А. Чигирева и П.И. Юнацкевича.

Работа выполнена в научно-исследовательском центре «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕФОРМАТ» Научного консорциума высоких гуманитарных и социальных технологий (<https://sci.ast.social/resheniya.html>).

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные выводы и результаты исследования докладывались и получили одобрение на заседаниях и семинарах Института нравственности, Института проблем подготовки и профессионального использования специалистов, Института нравственной культуры, Научного консорциума высоких гуманитарных и социальных технологий. Основная идея исследования (смена мировоззренческой парадигмы) представлялась в документах Научного консорциума высоких гуманитарных и социальных технологий в Администрацию Президента Российской Федерации, в Совет Безопасности Российской Федерации, и нашла свое отражение в Указе Президента Российской Федерации № 809 от 09.11. 2022 года как государственная задача – обеспечение примата духовного над материальным, воспитание высоконравственного человека в Российской Федерации, отказ от деструктивной идеологии примата материального над духовным.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Проблема смены мировоззренческой парадигмы

По устоявшейся общенаучной традиции следование методологическим требованиям сводится обычно к равнению ученых самого разного профиля на некую, максимально авторитетную для них, «концептуальную планку», соответствие которой и принимается за

критерий научности тех или иных артефактов, суждений и гипотез более частного характера. Формулу именно такого понимания методологизма дал А. Н. Уайтхед. Этот видный английский философ, говоря о «методе, порождающем значимое знание», пояснил его как необходимость опоры на «связную логическую и необходимую систему общих идей, в терминах которой можно было бы интерпретировать каждый элемент нашего опыта»¹.

В академической науке советского периода общенаучной «концептуальной планкой», или «связной логической и необходимой системой общих идей» служило мировоззрение исторического материализма в его марксистской интерпретации. И это же мировоззрение, уже без ссылок на марксизм, продолжает определять стиль мышления подавляющего большинства современных, как российских, так и западных, ученых.

Но «что такое исторический материализм и почему, имея целую рать профессоров истмата, “мы не знаем общества, в котором живём”? Ведь это не шутка — услышать такое признание от генсека да еще многолетнего председателя КГБ (имеется в виду Ю. А. Андропов — С. Г.). Ясно, что истмат почему-то оказался как метод негоден для познания нашего общества»².

Такая же по сути, но более «гибкая» по форме, оценка исторического материализма дана в справочнике «Теория и методология исторической науки» (отв. ред. академик А. О. Чубарьян). В предисловии к справочнику читаем: «Процессы снижения статуса исторической науки, девальвация ремесла и соответственно профессионального языка историка, общие для мирового научного сообщества, для отечественной историографии оказались отягощены самими условиями её бытования в последние три десятилетия»³.

При всей внешней сдержанности второй оценки в ней легко угадывается признание факта глубокого кризиса методологических оснований исторической науки. А если учесть, что стержень этих оснований — «историзм» — выполняет функцию принципа познания, общего для представителей и гуманитарных, и естественных наук, то в той же оценке придётся увидеть и признание того, что кризис является общенаучным. Объяснима и сдержанность оценки: никому ведь не хочется обнажать перед всеми свою теоретико-методологическую несостоятельность. Потому-то истинный масштаб кризиса и не афишируется даже в профессиональной академической среде.

¹ Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / пер. с англ., общая ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. М.: «Прогресс», 1990. С. 272.

² Кара-Мурза С. Г. Оппозиция: выбор есть. Тайны современной политики. М.: «Алгоритм», 2006. С. 267–268.

³ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: «Аквилон», 2014.

Хотя и скрыть его не удаётся. Это видно, в частности, из высказываний А. И. Фурсова: «К сожалению, есть целый ряд проблем, которые объективно ослабляют историю как дисциплину, делают её не очень научной. <...> Во-первых, наша история как наука в последние двадцать пять лет — это ацефальная история, безголовая. В советское время историку было хорошо в том смысле, что от него в общем-то не требовалось занятий теорией. <...> Но всё это закончилось. <...> Вместе с марксизмом ушла вообще теория, то есть выплеснули ребенка вместе с водой, и последние 20–25 лет — это в общем-то атеоретичные исследования, описания case-studies. А если это описания событий, то возникает проблема: если у тебя нет теории, то на каком языке ты будешь описывать? И тогда получается, что всё рассыпается в события. А как говорил Бродель: “Событие — это пыль”, имея в виду, что событие можно понять только в рамках конъюнктуры, а чтобы понять конъюнктуру, нужна теория. То, что у нас последние 25 лет теория в загоне, то, что у нас повторяются зады западной теории и утильсырьё 50-70-х годов, — это очень серьёзная вещь. Поэтому здесь историк сразу лишается целого ряда преимуществ, которые отличают учёного от неучёного»⁴.

Итоговая мысль А. И. Фурсова: «В академическом сообществе есть много сильных и толковых ученых, но рассчитывать на академическое сообщество как целостную форму, думаю, не стоит. Это труп, который забыли похоронить. И в этом отношении никаких иллюзий испытывать не надо»⁵.

А вот исповедь одного из наиболее ярких и самобытных специалистов по древнерусской истории — Аполлона Кузьмина:

«Профессия историка не принадлежит к числу престижных и даже просто уважаемых. Археолог — ещё куда ни шло. Он может что-то неожиданное выкопать. А историк... Кто виноват в плохих учебниках? Историки. Кто повинен в плохом преподавании истории? Тем более они же. Кто насаждает всевозможные культы? Опять историки. Не за что их уважать. Ну а знания о прошлом — тут любитель может и поспорить с профессионалом. Почти наверняка он знает нечто такое, что профессионалу неизвестно. А что же профессионалы? Обижаются. Требуют обуздания любителя. Только не всегда могут убедить его в своём превосходстве. И не потому, что невежество всегда воинственно. Обычный аргумент: а работал ли ты в архиве? — любителя не сразит. Каждый может, если понадобится, засесть на месяцы, а то и на годы, в архиве, и никаких институтов для этого не потребуется. Более того. Многие проводят в архиве всю свою сознательную жизнь (это их работа) и ничего не дают как историки. Очевидно, и сумма знаний, и

⁴ Из выступления А. И. Фурсова на Круглом столе «Интерпретация истории как технология социального проектирования» (эл. ресурс) // <https://izborsk-club.ru/538>

⁵ Там же.

привязанность к архивным фондам — это только количественный показатель. Качественное же отличие проявляется лишь в методе. А в этой сфере у историков такой разницей, что любитель вправе бросить упрёк: разберитесь сначала сами»⁶.

О том же — у других специалистов: «Историческое сообщество в стране разрушено, а история превратилась из науки в посмешище» (А. И. Колпакиди). Что тут же подхватили и сами сатирики: «Как только меняется власть, так история переписывается с точностью до наоборот» (М. Н. Задорнов).

Одновременно в части профессионального исторического сообщества продолжает сохраняться искренняя вера в историю как полноценную науку. Но на фоне возрождающегося после семидесятилетнего застоя интереса к методологическим вопросам эта вера становится всё более похожей на индульгенцию, дающую право не думать о собственных предпосылках. То есть она оборачивается свидетельством глубокого кризиса историзма.

Проявляет себя кризис фактом неявного дистанцирования многих философов и учёных от методологии исторического материализма. На такое дистанцирование указывает появление философских словарей, в которых нет ни статьи «Историзм»⁷, ни статьи «Исторический материализм»⁸. А там, где второе понятие всё ещё сохраняется, ему иногда даётся уничтожающее определение: «Амбиции теоретиков и апологетов исторического материализма на придание ему статуса универсальной парадигмы социальной философии и социологии, основанной на позитивистских методологиях, натурализме в трактовке общества и причинно-механической модели мирообъяснения, были опровергнуты достижениями общенаучных и гуманитарных дисциплин XX столетия — новейшими макроэкономическими моделями, общей теорией систем, представлениями о нелинейных процессах, данными наук о массовых коммуникациях. Одновременно крушение социализма в Европе, наиболее общей санкцией которого на теоретическом уровне являлся исторический материализм, наглядно продемонстрировало реальные преимущества современных неортодоксальных социологических, политологических, психоисторических и прочих методик адекватного отображения и перспективной реконструкции хода исторического процесса. Серьёзные сомнения... в правомерности концепции неограниченного социального прогресса (сердцевины и “души” исторического материализма) также содействовали закату этой

⁶ Кузьмин А. Г. К какому храму мы ищем дорогу? Сборник статей. М.: «Современник», 1989.

⁷ Философский словарь / Под ред. П. С. Гуревича. М.: «Олимп», 1997; Философский словарь: справочник студента / Под ред. Г. Г. Кириленко, Е. В. Шевцова. М.: «СЛОВО», «АСТ», 2002.

⁸ Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2 / Рук. проекта В. С. Степин, В. Г. Семигин, М., 2011.

некогда модной идеологической доктрины социально-философского толка»⁹ (выделено мною — С. Г.).

Что конкретно *не так* с научностью в теории исторического материализма?

«Сердцевиной и “душой”» этой теории является, как сказано выше, концепция неограниченного социального прогресса. Корни концепции восходят, с одной стороны, к библейской фразеологии: «из тьмы над бездною к свету», «из царства зверя к благодатному тысячелетнему царству», «из мрака язычества к спасению». С другой стороны, библейские трактовки идеи прогресса были секуляризированы (облечены в светскую форму) идеологами Нового времени: Фонтенелем, Тюрго, Кондорсэ и др. Отсюда берут начало светские варианты идеи прогресса: «от дикости к цивилизации», «от мрака невежества к свету знания», «от худших форм жизнеустройства к лучшим» и т. д.

Ясно, что и светские варианты идеи прогресса, будучи продуктом традиционно-ориентированного образа мышления, а не опытно-выверенного знания, не имеют к собственно науке никакого отношения. Но почему тогда в теории исторического материализма за идеей прогресса до сих пор сохраняется статус основной тенденции исторического развития — его определяющего и направляющего вектора, инструмента, обеспечивающего (якобы) строгую научность подхода к изучению прошлого?

Ответ шокирующе прост. В XVIII–XIX в. эта идея была оснащена вульгарно-механистической схемой развития «от простого к сложному, от низшего к высшему», и в таком виде использована для обоснования самых ранних, претендующих на научность, вариантов идеи эволюции. Затем полученная ментальная конструкция, уже в форме дарвинизма, легла в основу изучения социальных процессов, и с помощью разного рода «диалектических» натяжек, призванных отвлечь внимание от примитивной схемы развития, была преподнесена общественности в качестве «научного (исторического) материализма». Как писал К. Маркс в письмах к Ф. Энгельсу и Ф. Лассалю, именно дарвинизм послужил естественнонаучным обоснованием его взглядов. А в XX веке эта же ментальная конструкция, дополненная гипотезами абиогенеза и Большого взрыва (никем до сих пор не доказанными), и вовсе обрела статус общенаучного эволюционно-исторического мировоззрения.

Эволюционно-историческое мировоззрение явилось вершиной того направления материалистической мысли, основы которого заложили деятели эпохи Просвещения. Согласно базовым положениям данного мировоззрения, человек — конечный продукт развития природы, а, значит, «её царь», не ограниченный в проявлениях своей воли ничем,

⁹ Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грицанова. Минск, 2002. С. 450.

кроме чужих волей (которые он, как носитель прогресса, вправе подавлять, если они недостаточно прогрессивны). И он же — самостоятельный и самодостаточный субъект, наделённый познающей и преобразующей в отношении объекта функцией. Отсюда — ключевые установки «прогрессистского» стиля мышления: культ «я», абсолютизация принципа свободы, ненависть к ограничительным требованиям традиции, упрощённое (схемой развития) восприятие ментально-языковой проблематики.

Длительное господство историко-материалистического мировоззрения над умами обернулось тем, что массовое сознание давно уже воспринимает его не как исторически обусловленную ментальную конструкцию, а как саму «объективную реальность». Вместе с тем из поля свободной мысли никогда не исчезал и взгляд на изначальную методологическую ущербность этого мировоззрения. В частности, уже сам Дарвин осознавал несостоятельность дивергентной схемы развития («Знаю, — писал он, — что едва ли возможно определить ясно, что разумеется под более высокой или более низкой организацией»; «это область очень запутанного вопроса»¹⁰). Да и профессиональные оппоненты Дарвина из числа его современников тоже понимали, что дарвинизм — не столько биологическое, сколько философское учение, вершинное проявление механистического материализма. Так, например, считал Н. Я. Данилевский¹¹. И не только он. Ещё более ярким критиком эволюционизма в его социальных проявлениях явился Ф. Боас (1858–1942) — американский антрополог, основатель научного направления, которое именовалось сначала «Исторической школой Ф. Боаса», затем — школой «Культура и личность». «Особенно энергично Боас выступал против концепции, утверждающей, что развитие культуры неизменно идет от простого к сложному, и видящей в некоторых этапах этого развития культурный прогресс. В противоположность эволюционистским попыткам выстроить универсальную схему культурного развития, способную служить критерием прогресса, он склонялся к изучению отдельных культур и признаков культурной диффузии в конкретных регионах»¹².

«Боас пользовался заслуженной славой ведущего антиэволюциониста и был действительно самым, пожалуй, последовательным критиком эволюционизма в истории социальных наук. <...> “Необходимо, — писал он, — по мере возможности воссоздать действительную историю человечества, прежде чем мы сможем питать надежду на открытие

¹⁰ Дарвин Ч. Сочинения / под общ. ред. Л. Л. Берга, А. А. Борисяка, Н. И. Вавилова и др. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. Т. 3. С. 359, 659.

¹¹ Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование: В 2 тт. СПб, 1885. С. 7–10.

¹² Дэвид Бидни. Культурная динамика и поиски истоков. Перевод Ю.С. Терентьева // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: «Университетская книга», 1997. С. 385.

управляющих ею законов”. При отказе следовать этому принципу неизбежно видимость будет приниматься за реальность, закономерности усматриваться там, где проявляются лишь поверхностные сходства <...> Эмпирик выступал здесь против спекуляций, не основанных на результатах исследований»¹³.

Данный ход мысли Ф. Боаса тем интереснее, что полностью отвечал ходу мысли его современника В. И. Вернадского, указывавшего на «стремление, всё более и более преобладающее в научных исканиях... подходить к изучению явлений жизни чисто эмпирически, считаться с невозможностью дать ей “объяснение”, т. е. дать ей место в нашем абстрактном космосе, научно построенном из моделей-гипотез»¹⁴. Свидетельством истинности эмпирически-полученных научных данных Вернадский считал как раз их необычность, их несовместимость с традиционными философскими представлениями. «Эмпирическое обобщение, — писал он, — раз оно точно выведено из фактов, не требует проверки. Оно может существовать и быть положено в основу научной работы, даже если оно является непонятным и противоречит господствующим теориям и гипотезам»¹⁵. «Эмпирическое обобщение опирается на собранные индуктивным путём факты, не выходя за их пределы и не заботясь о согласии или несогласии полученного вывода с другими существующими представлениями о природе. В этом отношении эмпирические обобщения не отличаются от научно-установленных фактов: их совпадение с нашими научными представлениями о природе нас не интересует, их противоречие с ними составляет научное открытие»¹⁶.

Отсюда вовсе не следовало, что Вернадского не интересовала проблема целостного и связного знания. «Эмпирическое обобщение, — читаем в его труде «Биосфера», — при всей его непонятности, способно всё же оказывать огромное благотворное влияние на изучение явлений природы, — потому что однажды «наступает момент, когда оно вдруг начинает освещаться новым светом, становится областью создания гипотез, начинает менять наши схемы мироздания и само меняться. Очень часто тогда оказывается, что в эмпирическом обобщении мы имели не то, что думали, или имели в действительности много больше, чем думали»¹⁷.

Исходя из таких методологических установок, Вернадский радикально пересмотрел всю традиционную аксиоматику, относящуюся к исторической проблематике абиогенеза и эволюции. В своей работе

¹³ Шацкий Е. История социологической мысли. Том 2 (пер. с польского). М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 201–202. — 720 с. (Серия «Интеллектуальная история»).

¹⁴ Вернадский В. И. Биосфера. М.: «Мысль», 1967. С. 237.

¹⁵ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: «Наука», 1975. С. 71.

¹⁶ Вернадский В. И. Биосфера. С. 238.

¹⁷ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. С. 237–238.

«Начало и вечность жизни» он писал: «Идея вечности и безначальности жизни... давно проникает научное мировоззрение отдельных натуралистов <...> Но сейчас эта идея получает в науке особое значение, потому что наступает момент истории мысли, когда она выдвигается вперёд как важная и глубокая основа слагающегося нового научного мировоззрения будущего»¹⁸. — Сходство этих мыслей Вернадского с убеждённостью Ф. Боаса в «бесконечной сложности мира культуры» очевидно¹⁹.

Точно так же, как Боас и Вернадский, смотрели на проблемную ситуацию в общенаучной методологии и Л. фон Берталанфи с его трактовкой эволюции как функции изначально сложной системы в общем иерархическом порядке²⁰, и У. Р. Эшби — кибернетик, введший в научный обиход понятие «самоорганизации», а затем раскритиковавший его как недостаточно научное. Знаменательно, что созданную Л. фон Берталанфи Общую теорию систем Эшби высоко оценил именно за её парадигматическую новизну: за способность сказать о происхождении жизни на земле «нечто такое, что решительно противоречит всем высказываниям по этому вопросу с момента возникновения теории эволюции»²¹. А в отечественной науке на несоответствие дарвиновского представления о развитии данным эмпирической фактологии указывал в XX веке, помимо Вернадского, А. А. Любищев. «Эволюция, по Дарвину, — читаем у него — требовала дивергентной схемы, и все филогении строились в форме деревьев; параллелизм явился неожиданностью, которую сейчас хотят как-то замазать, вернее, подпудрить в духе селекционизма»²².

Если же говорить о текущем моменте, то несогласие с принципом развития «от простого к сложному, от низшего к высшему» уже не сводится к одной лишь опоре на эмпирическую фактологию, но начинает также осознаваться как проблема когнитивистики. То есть вызывает понимание, что «впечатление сложности или простоты зависит... от того, какая “разрешающая способность” ума интуитивно принимается за достаточную для решения задачи»²³. «Сложность или простота любого предмета или явления зависят только от нашего к ним подхода, произвольного или вынужденного, от того, какие задачи мы ставим»²⁴. В самой же природе «нет ничего сложного и ничего простого, равно как все

¹⁸ Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. С. 113.

¹⁹ Шацкий Е. История социологической мысли... С. 203.

²⁰ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969, с. 49–50.

²¹ Эшби У. Р. Принципы самоорганизации // Принципы самоорганизации. Под редакцией и с предисловием А. Я. Лернера. М.: Мир, 1966, с. 329–332, 335.

²² Любищев А. А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов: сб. ст. М.: «Наука», 1982. С. 194.

²³ Леви Л. Охота за мыслью (эл. ресурс) // <http://knigosite.org/library/read/614>

²⁴ Там же.

сложно и все просто. Камень прост, если нам надо поднять его и кинуть, и сложен, если мы хотим постичь его кристаллическую структуру ... Человек как причинно-следственная система бесконечно сложен для психолога и как дважды два (в обычной логике) прост для бюрократа, который смотрит на посетителя сквозь уменьшительное стекло. Микроскописты знают, что такое “разрешающая способность” прибора. Под лупой пылинка. Дать увеличение посильнее, и вот уже оказывается, что это живой организм, какая-то инфузория. Еще сильнее — и это безмерно огромный агрегат органических молекул...»²⁵.

2. Кризис историко-материалистического мировоззрения

Умозрительная философская конструкция, основанная на вульгарно-механистической схеме развития, и представляет собой предельно наглядное в своей полноте воплощение принципа «историзма» — научно-материалистической, или эволюционно-исторической, точки зрения на происходящие в природе и обществе динамические процессы. Конструкции при её изготовлении постарались придать товарный вид, засунув грубую механистическую болванку в рекспектабельную «диалектическую» упаковку. И не имеет теперь, по большому счету, никакого значения критика отдельных элементов конструкции, когда кто-то не принимает всерьёз теорию Дарвина, кто-то отвергает учение Маркса, а кто-то не верит в абиогенез или в Большой взрыв. Исторический материализм в его глобальном эволюционистском воплощении давно уже живет собственной жизнью бессознательной предпосылки, задающей все остальные вытекающие из неё следствия: от объяснения мировых процессов и оправдания глобальных социально-экономических экспериментов до «само собой разумеющихся» штампов научного и массового образа мышления.

В массовом сознании историко-материалистическое мировоззрение обрело характер символа «науки вообще». Хотя в действительности оно является не более чем законченным выражением того направления научной мысли, основы которого заложили, как сказано выше, деятели эпохи Просвещения и в котором поэтому уместно усматривать не воплощение «науки вообще», а всего лишь обусловленный временем и местом своего зарождения «просвещенческий проект модерна». А постмодернистский кризис теоретических основ этого проекта возвращает нас к тому пониманию «развития», которое скрыто заложено в самой этимологии данного понятия.

²⁵ Там же.

Имеется в виду «развитие» как «развивание» (развёртывание, раскручивание, расплетание), предполагающее изначально сложную свитость (свёрнутость, скрученность, сплетённость) того, что развивается²⁶). И, действительно, пониманием «развития» как *изначально сложного процесса* объясняются сегодня многие, наблюдаемые как в природе, так и в обществе, явления. Напомню, что вся предпосылочная основа трудов В. И. Вернадского сводится к идее вечности и безначальности жизни: «Начала жизни... мы не знаем и нигде указаний на его существование не видим»²⁷. В междисциплинарной сфере исследований на ту же ситуацию указывает Общая теория систем, в центре внимания которой находятся проблемы *изначального порядка, организации, целостности, телеологии и т. д., «демонстративно исключавшиеся из рассмотрения в механистической науке»*²⁸. А гуманитарные науки представлены целым рядом моделей мышления, не имеющих никакого отношения к «усложнению». Это и перевод бессознательно-мифологических форм коллективного мышления в их осознанно-рефлексивные формы (Г. Юнг), и диалогические модели (М.М. Бахтин, А. Тойнби), и перебор вариантов инварианта (В.В. Иванов, В. Н. Топоров). Не говорю уже о вероятностной теории смыслов В. В. Налимова, согласно которой «нельзя сказать что-либо серьёзное о сознании, не постулировав *изначальное существование непроявленной семантики*»²⁹. «Драма, совершающаяся в вечности, сейчас предстаёт перед нами как некий гигантский эксперимент, направленный на распаковку *изначально существующих смыслов Мира*. Мы оказываемся активными, наделёнными свободой воли участниками не понимаемого нами до конца творческого процесса»³⁰.

Тем не менее, эмпирически-оправданные модели исторического развития до сих пор не обрели под собой методологической опоры в форме «мировоззрения изначальной сложности», альтернативного эволюционно-историческому мировоззрению. И можно понять, почему. Продолжительное преобладание в сферах умственной жизни эволюционно-исторических установок образовало в коллективном научном сознании нечто вроде «натопанной колеи» бессознательно проявляемого убеждения, будто «прогрессистский» взгляд на суть развития является единственно научным и безальтернативным. Убеждение это, повторяюсь, никогда не основывалось на фактах, — оно выросло из

²⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря: В 4 тт. Т. 4. СПб, ТОО «Диамант», 1996. С. 18.

²⁷ Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: «Наука», 1975. С. 27.

²⁸ Бергаланфи фон Л. Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 37–38.

²⁹ Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. С. 299.

³⁰ Там же. С. 325.

допущений, которым в своё время оказали доверие авансом, надеясь, что в дальнейшем факты их подтвердят. Факты, однако, показали обратное. Но выбираться из «натопанной колеи» ментальных штампов никто до сих пор не собирается: *про аванс забыли*, допущения обрели незаметно имидж и статус глобально-интегральной Аксиомы (эволюционно-исторической картины мира), и в результате вся последующая научная мысль оказалась, бессознательно для самой себя, вынужденной делать выбор в пользу Аксиомы, а не противоречащих ей фактов.

Сегодня настало время открыто и честно признаться, что испытания временем и фактами не выдержало не только истматовское представление о развитии как о процессе, основанном на вульгарно-механистической схеме «от простого к сложному, от низшего к высшему», но и многие другие, производные от него, представления. В частности, большой неожиданностью для приверженцев историко-материалистического взгляда на развитие духовной культуры явились эмпирические данные по ранним формам мышления, вступившие в противоречие с тем известным утверждением классиков истмата, согласно которому у форм сознания «нет истории, ... нет развития...»³¹. Очень долго эти формы воспринимались, да и сегодня продолжают нередко восприниматься как «заблуждения, «тупики», «предрассудки» и прочие издержки неразвитого сознания. В лучшем случае они трактуются как проявления «сакральных» («ритуальных», «магических», «культовых», «обрядовых» и т. д.) сторон общественной жизни, но по факту приравниваются к тем же предрассудкам и на общее понимание прошлого никак, по большому счету, не влияют. А между тем в научной литературе накопилось огромное количество данных, свидетельствующих, что странности смысловой организации древних культур связаны не с отклонением от «смысловой нормы», а с *неприменимостью самого понятия «нормы» к истории смыслов*³².

Сначала этот ход мысли был зафиксирован в труде Л. Леви-Брюля «Первобытное мышление», посвящённом изучению «дологического» мышления древних людей. А дальнейшими исследованиями вскрылась еще более интересная и загадочная картина. В частности, К. Г. Юнгом было показано, что прежний человек «не более логичен или алогичен, чем мы, просто он думает и живет, *исходя из совсем других предпосылок по сравнению с нами*»; «различаются <...> только исходные предпосылки»³³ (курсив мой — С. Г.). И к аналогичным выводам подвели работы К. Леви-Стросса, показавшие, что сама по себе «логика мифологического

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: В 39 тт. Т. 30. II издание. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1963. С. 25.

³² Горюнков С.А. О методологических проблемах изучения общественного сознания // Учёные записки СПбГИПСР, 2020, № 2 (34). С. 160.

³³ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: «Прогресс», «Универс», 1993. С. 159–161.

мышления так же неумолима, как логика позитивная и, в сущности, мало чем от неё отличается»³⁴; разница же между древним и современным типами мышления заключается «не столько в качестве логических операций, сколько в самой природе явлений, подвергаемых логическому анализу»³⁵.

Действительно, оказалось, что логика как таковая применима к любым, даже самым абсурдным, смысловым конструктам (вспомним приписываемый Л. Кэрроллу силлогизм: «все змеи крылаты / автор книги – змей /, следовательно, у него есть крылья»). Поэтому сведение главных проблем истории культуры к одному лишь их логическому аспекту изначально устраняет из поля исследовательского внимания *эмпирически-оправданное представление об изменчивости смысловой организации культуры в историческом времени*.

В XIX веке на эту изменчивость обратил внимание ещё В. Гумбольдт: «Время благодаря ускоренному развитию идей, нарастанию мыслительной силы, углублению и утончению чувственности часто придает ему (языку — С. Г.) черты, которыми он раньше не обладал. В прежнюю [языковую] оболочку вкладывается тогда другой смысл (курсив мой — С. Г.), под тем же чеканом выступает что-то иное, по одинаковым законам связи намечается иначе градуированный ход идей»³⁶. А в XX веке взгляд на эту изменчивость поддержали В. И. Вернадский и А. Ф. Лосев: первый заметил, что идея неизменности разума не отвечает реально-наблюдаемой действительности³⁷, а второй увидел в истории мысли её смысловое «самопеределывание»³⁸.

3. Древнейшие формы ментальности

Эмпирические данные по исторической изменчивости языковых форм сознания, решительно противоречащие утверждению классиков исторического материализма об отсутствии у них собственного развития, объясняют, почему мифы, древнейшие формы смысловой организации культуры, производят на современных людей впечатление «абсурдных рассказов»³⁹. Главное же: они всё настойчивее вынуждают считаться с тем фактом, что в истоках человеческой культуры лежит не «зародышевое», постепенно усложняющееся, языковое сознание, а

³⁴ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: «Наука», 1985. С. 206.

³⁵ Там же.

³⁶ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: «Наука», 1984. С. 106.

³⁷ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: «Наука», 1988. С. 75.

³⁸ Лосев А.Ф. О значении истории философии для формирования марксистско-ленинской культуры мышления // Алексею Федоровичу Лосеву: к 90-летию со дня рождения: сб. ст. Тбилиси: Издательство Тбилисского ун-та, 1983. С. 151.

³⁹ Леви-Стросс К. Миф, ритуал, генетика // ж. «Природа». № 1, 1978.

необычайно сложное и целостное мировоззрение в его наиболее ранних — мифологических — формах. Оказалось, что именно оно, это мировоззрение, и даёт начало абсолютно всем позднейшим проявлениям культуры⁴⁰, в том числе и науке, продолжающей поэтому оставаться в огромной своей части «научной мифологией». «Наука, как таковая, ни с какой стороны не может разрушить мифа. Она лишь его осознаёт и снимает с него некий рассудочный, напр., логический или числовой план»⁴¹.

Как следствие, в мифах стало возможным видеть не отдельную специфическую ветвь языкового смысловыражения, а саму ментально-языковую реальность в её наиболее ранних и непонятных нам формах: древнейший способ её смысловой организации. Что и отметила уже О. М. Фрейденберг: «Рядом с мифом не могло быть в сознании не-мифа, какой-то непосредственно данной реальности; неверно, что существовали мифы сами по себе, только в одной области — в области воображения, а в другой, практической, человек трезво осознавал опыт и житейские акты, ел ради утоления голода, женился ради семьи и потомства, защищался от холода одеждой и выбирал правителей для охраны своих интересов»⁴².

Проще говоря, представление о мифах как о том, *чего нет и быть не может*, оказалось ещё одним (наряду с мантрой «бытие определяет сознание», производной от «усложненческой» схемы развития) «прогрессистским» штампом. На самом деле мифы оказались «нашим всем»: той самой «сокровищницей смыслов» (thesauros), игнорирование которой равнозначно игнорированию самой человеческой культуры.

Радикальная переоценка роли мифов в истории культуры оборачивается сегодня постепенным формированием взгляда на традиционный «историзм» как на *поверхностно-онаученную языковую презумпцию «происхождения»*, унаследованную из ранних вненаучных источников позднейшей философией и наукой⁴³. Первопроходцами в деле такого понимания «историзма» явились Э. Кассирер и В. И. Вернадский. У первого читаем: «Вместо того, чтобы подразумевать под “происхождением” мифологическую потенцию, мы начинаем видеть в нем научный принцип и именно как таковой учимся его понимать»⁴⁴. А второй доходчиво объяснил, что мифологическая презумпция «происхождения» — в его терминологии идея «Начала Мира» — приняла в европейско-

⁴⁰ Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира: В 2 тт. М.: «Советская энциклопедия», 1980. Т. I. С. 14–15.

⁴¹ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: «Политиздат», 1991. С. 29–34.

⁴² Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. Екатеринбург: «У-Фактория», 2008. С. 39.

⁴³ Горюнков С.В. На пороге новой мировоззренческой парадигмы. СПб: «Алетейя», 2020. С. 130–135.

⁴⁴ Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т.: пер. с нем. М.; СПб: «Университетская книга», 2002. Т. I. С. 32.

американской науке, не без влияния И. Канта, форму представления о «естественном процессе» лишь к концу XVIII – началу XIX веков⁴⁵.

То же самое можно сказать о любых других, связанных с идеей исторического развития, аспектах и понятиях, образующих собою всё разнообразие прежних и нынешних культур. Почему и приходится думать, что идея гипотетической «нулевой», пусть и сильно растянутой в историческом времени, точки отсчёта, от которой якобы набирает обороты процесс усложнения духовной культуры — это не более чем умозрительный продукт «прогрессистского» стиля мышления. А в качестве научной альтернативы «нулевой точке отсчёта» начинает постепенно выкристаллизовываться представление о *предпосылочном информационном фонде культуры* — о мифологическом арсенале её изобразительных средств и мировоззренческих установок.

Более того: ситуация выглядит таким образом, как если бы этот предпосылочный информационный фонд выполнял в истории культуры функцию её «программного обеспечения». Тем интереснее, что факт наличия такого «обеспечения» интуитивно предугадывал всё тот же Гумбольдт: «Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу. Человек является человеком только благодаря языку; для того чтобы создать язык, он уже должен быть человеком»⁴⁶. А сегодня идее такого «обеспечения» созвучны и «предструктура понимания» М. Хайдеггера⁴⁷, и «доменные предпосылки» А. Гоулднера⁴⁸, и «дорефлексивная инфраструктура неявных допущений» А. П. Огурцова⁴⁹, и «феномен предпосылочного знания» Н. И. Грибанова⁵⁰, и «нераспакованный семантический континуум» В. В. Налимова⁵¹.

Необычным обещает оказаться и потенциальное содержание «программного обеспечения» культуры. Вот лишь несколько нестандартных высказываний на этот счёт. У В. Н. Топорова читаем: «В высшей степени характерно, что современная наука приходит к исключительно высокой оценке операционной ценности и познавательной силы первобытного знания именно в самые последние годы»⁵². О том же

⁴⁵ Вернадский В.И. Химическое строение биосферы земли и её окружения. М.: «Наука», 1987. С. 314.

⁴⁶ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: «Наука», 1984. С. 314.

⁴⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб: «Наука», 2006. С. 150–151.

⁴⁸ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб: «Наука», 2003. С. 76–79, 458, 491, 496–497.

⁴⁹ Огурцов А.П. Социальная история науки: две стратегии исследований // Философия, наука, цивилизация / отв. ред. В.В. Казютинский. М.: «Эдиториал УРСС», 1999. С. 81.

⁵⁰ Грибанов Н.И. Философские основания науки и феномен предпосылочного знания: Дис. д-ра филос. наук: 09.00.01, Самара, 1996.

⁵¹ Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: «Парадигма», «Академический проект», 2011. С. 290, 325.

⁵² Топоров В.Н. Первобытные представления о мире: общий взгляд // Очерки по истории естественно-научных знаний в древности. М.: «Наука», 1982. С. 37.

— у Х.-Г. Гадамера: «Если откроешь историко-научное собрание де Врие “История исследования мифологии”, то получишь то же впечатление, как и от “Кризиса историзма”, — оно сказалось на новом оживлении интереса к мифологии. <...> Достоин особого внимания тот факт, как решительно признаются Вальтер Ф. Отто и Карл Кереньи первооткрывателями нового исследовательского направления, воспринимающего мифы всерьез»⁵³. И о том же — у В. В. Налимова: «Странно, но сейчас приходится задумываться над концепциями далекого прошлого»⁵⁴.

Если же учесть ещё и то, что древнейшие формы смысловой организации культуры характеризуются, как уже было сказано, крайней степенью своей смысловой невероятности (абсурдности, по К. Леви-Строссу), то далеко не случайно здесь вспоминается главное следствие из понятия информационной энтропии К. Шеннона: *чем менее вероятно сообщение, тем больше информации оно в себе содержит*.

К сожалению, в РАН все эти «неклассические» и «постнеклассические» направления научной мысли остались не востребованными, причём сразу по двум причинам. Первая причина — околонаучная. Она связана с тем, что привычно-понимаемый историзм выполняет в современной системе управления крайне важную для власти задачу: он является тем резервом идеологического авторитета, от имени которого легитимируются нужные управленческому классу политические решения «прогрессистского» характера (то есть враждебные традиции в любых её проявлениях). Что не удивляет: современная РАН в той её части, в какой она представлена историками и философами — давно уже не инструмент познания мира, а послушный проводник политических установок, персонал по обслуживанию рычагов управления массовым сознанием.

Вторая, уже собственно-научная, причина не востребованности «неклассических» и «постнеклассических» направлений поисковой мысли связана, как уже говорилось выше, с бездумно-инерционным отношением современной академической науки к общетеоретической проблематике, в силу чего вопрос о предпосылочных основаниях общенаучной картины мира заранее решён в пользу «прогрессистско-просвещенческой» («усложненной») схемы развития. Естественно, эмпирическим данным не остаётся ничего другого, как «встраиваться» в неё. Появляется, скажем, генетика — и сразу же ставится в зависимость от эволюционной генетики⁵⁵. Обнаруживается качественное различие между «первичными»

⁵³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: «Прогресс», 1988. С. 583.

⁵⁴ Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. С. 69.

⁵⁵ Четвериков С.С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Классики современной генетики. М.-Л, 1968.

и «вторичными» знаковыми системами⁵⁶ — и тут же возможность понимания сути этого различия блокируется утверждением, что «вторичные системы» (условное, ничем не оправданное название — *С. Г.*) произошли от «первичных»⁵⁷. Возникает теория самоорганизации — но лишь как повод для попыток доказать, что «эволюционный характер Вселенной должен отражаться в контексте фундаментальных законов физики»⁵⁸. Создаётся Общая теория систем — и немедленно начинается подгонка собственно-системных идей к самоорганизационным (теория самоорганизации в её эволюционистской трактовке выдаётся за дальнейшее развитие общего системного анализа⁵⁹).

Всё это означает, что по факту научному сознанию навязан взгляд на эволюционно-историческую картину мира как на единственно правильное, не подлежащее критическому обсуждению, мироустройство. Притом, что сама эта картина держится на вульгарно-механистической схеме развития «от простого к сложному, от низшего к высшему», от которой уважающие себя учёные на словах всячески открещиваются. Но именно *на словах, а не на деле*: ведь схема удобна своей упрощённостью и всеохватностью, своей способностью создавать иллюзию понятности и объяснённости абсолютно всего. А всё непонятное она же отметает за «ненаучностью».

Так упрощённому сознанию становится принципиально чуждой идея объекта, сравнимого или, более того, превосходящего по совершенству исследователя⁶⁰. Не удивительно, что такое сознание оказывается изначально заражено психологией пофигизма и агрессивного невежества. Пофигизм выражается в том, что люди, «заранее всё знающие», ничем настоящему не интересуются, кроме как сулящими личную выгоду «играми» (в науку ли, в искусство, в политику и т. д.). А психология агрессивного невежества — это психология людей, воспитанных в упрощённых представлениях о мире и воспринимающих поэтому любые идеи, выходящие за рамки этих представлений, как ненужные и даже враждебные.

Одновременно — в противовес негативным тенденциям — начинает вызревать и альтернатива им, воспринимающая материалистический

⁵⁶ Горюнков С.В. О проблемах изучения смысловой организации культуры (эл. ресурс) // Горизонты гуманитарного знания. М.: Изд. Московского гуманитарного ун-та, 2019, № 1 / <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/955>

⁵⁷ Кармин А.С. Культурология: Учебник, 6-е изд. СПб., «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»; «Лань», 2011, с. 65.

⁵⁸ Пригожин И. Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000, с. 31.

⁵⁹ Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985, с. 361.

⁶⁰ Лефевр В.А. Системы, сравнимые с исследователем по совершенству // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969, с. 109.

образ мышления как «наивный методологизм»⁶¹, «наивный историзм»⁶² и «наивный исторический объективизм»⁶³. Ярче всех эту альтернативу выразил Х.-Г. Гадамер: «Наивность так называемого историзма состоит в том, что он, полагаясь на методологизм своего подхода, забывает о собственной историчности... Подлинно историческое мышление должно мыслить также и свою собственную историчность. Лишь в этом случае оно перестанет гоняться за призраком исторического объекта...»⁶⁴.

Данная альтернатива — это прямое следствие накопленности в общенаучном обиходе критической массы эмпирической фактологии, абсолютно не вписывающейся в картину «наивного историзма». Но общенаучной картины мира, адекватной накопленному массиву эмпирической фактологии, до сих пор, повторюсь, не создано; в массовом научном сознании продолжает довлеть «просвещенческий проект модерна». А о том, чем он оборачивается, писал В. И. Вернадский: «Звучит парадоксом, однако это так: распространение научного мировоззрения может даже иногда мешать научной работе и научному творчеству, так как оно неизбежно закрепляет научные ошибки данного времени, придаёт временным научным положениям бóльшую достоверность, чем они в действительности имеют. Оно всегда проникнуто сторонними науке построениями философии, религии, общественной жизни, художественного творчества. Такое распространение временного — и часто ошибочного — научного мировоззрения было одной из причин не раз наблюдавшихся в истории науки местных или всемирных периодов упадка»⁶⁵.

В своих дневниковых записях Вернадский высказывался ещё резче: «...Угнетает бездарность новых философских исканий при даровитости народа». «Поразительно невежественны и бездарны “философские” работы благонадёжных “мыслителей”». «Читать нельзя: больное, невежественное. Для психиатра. Картина морального разложения»⁶⁶. «Психозы сейчас ярко проявляются. Часть диаматов и диалектиков, по-видимому, психически больны. Мне ярко рисуется часто: русские учёные должны работать, неся груз невежественных и больных диаматов и так называемых общественных работников, мешающих сколько возможно научной работе»⁶⁷. «Ложная учёность и опасные для реального выводы». Процесс заставляет с тревогой смотреть в будущее»⁶⁸.

⁶¹ Мараха В.Г. Московский методологический кружок: основные программные идеи и формы организации интеллектуальных практик (эл. ресурс) // <https://www.fondgp.ru/old/lib/mmk/5.html>

⁶² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: «Прогресс», 1988. С. 354–355, 581–584.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 354.

⁶⁵ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 431–432.

⁶⁶ Вернадский В. И. Дневники. 1926 – 1934. М.: «Наука», 2001. С. 212, 258.

⁶⁷ Вернадский В. И. Дневники. 1935 – 1941. Книга 1. 1935 – 1938. М.: «Наука», 2006. С. 287.

⁶⁸ Там же.

4. Решение проблемы «предвззудков»

В свете всего вышеизложенного уже не должно казаться странным, что «преодоление всех предвззудков, это наиболее общее требование Просвещения, само начинает разоблачать себя в качестве предвззудка»⁶⁹. «Историко-понятийный анализ показывает, что лишь благодаря Просвещению понятие предвззудка получает привычную для нас негативную окраску. Само по себе слово «предвззудок» (Vorurteil) означает пред-суждение, то есть суждение (Urteil), вынесенное до окончательной проверки всех фактически определяющих моментов»⁷⁰.

С осознанием предвззудков как предвззуджений становится окончательно ясной тупиковость традиционно понимаемого «историзма». Дело в том, что достоверно установленная сегодня «связь исторического начала с мифологическим»⁷¹ предельно обнажает тавтологическую суть утверждения, согласно которому «причины, по которым вообще должны были возникать мифы (т. е. ответ на вопрос, почему восприятие мира первобытным человеком должно было принять такую своеобразную и причудливую форму, как мифотворчество), следует, по-видимому, искать в общих для того уровня культурно-исторического развития особенностях мышления»⁷², то есть — в самих же мифах! Но «научное доказательство не вправе иметь уже предпосылкой то, обосновать что его задача»⁷³, — в противном случае мы получаем ситуацию «круга» («круга понимания», «круга в доказательстве», «логического», «порочного» и прочих «кругов»). А в этой ситуации «занятие историографического толкования оказывается а priori изгнано из сферы строгого познания»⁷⁴.

На уровне обывательского сознания суть ситуации объясняется с помощью анекдота о прокуроре и взяточнике: «Откуда деньги?» — «Из тумбочки». — «А в тумбочке откуда?» — «Жена кладёт». — «А у жены откуда?» — «Я даю». — «А у вас откуда?» — «Из тумбочки».

На уровне же научного сознания всё гораздо сложнее. Скажем, теория естественного отбора с чисто логической точки зрения представляет собой бессмысленную тавтологию, потому что, как справедливо заметил ещё К. Поппер, утверждение «выживают наиболее приспособившиеся» равнозначно утверждению «выживают выжившие». Тем не менее, теория естественного отбора до сих пор продолжает считаться необходимейшим

⁶⁹ Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного: пер. с нем. М.: «Искусство», 1991. С. 18.

⁷⁰ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: «Прогресс», 1988. С. 322.

⁷¹ Топоров В.Н. История и мифы // Мифы народов мира: В 2 тт. М.: «Советская энциклопедия», 1980. Т. I. С. 572.

⁷² Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира: В 2 тт. М.: «Советская энциклопедия», 1980. Т. I. С. 12.

⁷³ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 152ю

⁷⁴ Там же.

элементом школьной программы по формированию мировоззрения учащихся, — что неизбежно наводит или на грустные, или на конспирологические (то есть на ещё более грустные) мысли.

Трудность понимания проблемы «круга» заключается в том, что её подлинный общенаучный масштаб никак не может прийти в своём настоящем объёме до «ушибленного прогрессизмом» массового научного сознания. Это видно из двух моментов: 1 — «круг» воспринимается как следствие несовершенства доказательной процедуры; считается, что если данную процедуру усовершенствовать, то и «круг» исчезнет; 2 — «круг» воспринимается в духе модного сегодня постмодернизма: как очередной, производный от «игры словами», симулякр (Ж. Бодрийяр и др.). Ведь с постмодернистской точки зрения «мир есть текст, лишенный авторского замысла и оставляющий за читателем неограниченную свободу его интерпретации. Соответственно, если в рамках культуры модерна языковой знак обозначает и указывает на некий объект, то в рамках постмодерна знак означает только сам себя»⁷⁵. А значит, «и обмен словами представляет собой не более, чем игру знаками, определенными лишь по отношению к другим знакам, и совершенно не имеющую отношения к какому бы то ни было знанию о трансцендентной по отношению к языку реальности»⁷⁶.

На самом же деле, как выясняется, знаки являются носителями не только значений, соотносимых с физическими объектами, но и смыслов, соотносимых с другими смыслами⁷⁷. Соответственно, знаки второго рода являются элементами так наз. «смысловой реальности», соотносимой с физической реальностью всей своей полнотой и целостностью⁷⁸. Но в таком контексте проблема «круга» с предельной ясностью обнажает безнадежную устарелость обвинительного уклона в отношении «идеализма», а также столетнюю *запуганность* массового научного сознания данным обвинительным уклоном. А цена, которую приходится платить за такую запуганность, оборачивается профессиональной обезоруженностью, — о чём и говорится уже совершенно открыто: «Все неудачи в попытке построить содержательную модель сознания кроются в страхе прослыть идеалистом. Нельзя сказать что-либо серьёзное о сознании, не постулировав изначальное существование непроявленной семантики. Это, пожалуй, и есть главный вывод наших многолетних размышлений над проблемой сознания»⁷⁹.

Уже одной лишь фиксацией масштаба «круга» открывается возможность решения тавтологической проблемы не умозрительными, а

⁷⁵ Строев С. Постиндустриальный симулякр: добро пожаловать в ролевую игру [эл. р.] https://ruskline.ru/analitika/2013/12/17/postindustrialnyj_simulyakr_dobro_pozhalovat_v_rolevuyu_igru/

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Горюнков С.В. О проблемах изучения смысловой... // <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/955>

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Налимов В. В. Спонтанность сознания. С. 299.

вполне конструктивными методами. По принципу: раз мы имеем дело с феноменом неясной природы, то нужно не фантазировать на тему происхождения феномена в духе трудовой, игровой и других подобных им теорий культурогенеза, а изучать его внутреннюю структуру, — в расчёте на то, что она, возможно, и скрывает в себе искомые ответы на все наши потенциальные вопросы.

Теоретически именно так и предлагал рассматривать проблему еще М. Хайдеггер: «Решающе не выйти из круга, а правильным образом войти в него»⁸⁰. А первая *экспериментальная* попытка «вхождения в круг» была предпринята около сорока лет тому назад⁸¹. Основывалась она на принципе «черного ящика» — понятия информатики, введенного в научный обиход с целью решения трудностей изучения сложных систем⁸².

Представление системы в виде «черного ящика», состоящего из «входа» и «выхода», означает, что при настоящем уровне наших знаний мы не можем проникнуть внутрь системы и разобраться, каким образом «входные условия» преобразуются в «ситуацию на выходе»⁸³. Однако предположив, что «ситуация на выходе» (в нашем случае — странная смысловая организация древнейшей фазы культуры) причинно связана с «входными условиями» (в нашем случае — с непонятными нам причинами возникновения этой смысловой организации), мы можем по результатам анализа «ситуации на выходе» судить и о том, что на самом деле происходило на уровне «входных условий».

Под «анализом ситуации на выходе» подразумевается изучение той загадочной смысловой упорядоченности древнейшей фазы духовной культуры, которая проявляет себя в так называемых «повторяемости мифологических мотивов». Дело в том, что в ситуации «круга» эти повторяемости должны пониматься не исторически (как следствие родства по происхождению, или как результат сходных условий общественного развития, или как продукт взаимовлияний и заимствований), а типологически: как проявление инварианта, сохраняющегося при любых преобразованиях. Именно такая методика

⁸⁰ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 153.

⁸¹ Горюнков С В. Самовоспроизводство и мифология // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: Издательство Томского ун-та, 1985. С. 5–7; Горюнков С В. О соотношении мифологии и онтологии (в свете идей В. И. Вернадского) // Ноосфера и художественное творчество: сб. ст. / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: «Наука», 1991. С. 88–100; Горюнков С. В. О жизни, смерти и бессмертии как о метаязыковом содержании мифов // Жизнь. Смерть. Бессмертие: мат. науч. конференции, проведенной в декабре 1993 г. в Санкт-Петербурге Государственным музеем истории религии. СПб: «Образование». 1993. С. 16–18.

⁸² Словарь по кибернетике / под ред. академика В. М. Глушкова. Киев: Главная редакция Украинской советской энциклопедии, 1979. С. 592.

⁸³ Там же.

«делает возможной передачу исходной схемы во времени и сохранение её актуальности в исходных условиях»⁸⁴.

Имеется в виду то соотношение постоянных и переменных величин в фольклорных текстах, которое было обнаружено В. Я. Проппом применительно к волшебным сказкам и изучение которого он предполагал (но по ряду причин не сумел) продолжить применительно к мифам⁸⁵. Между тем, по предварительным данным, аналогичное соотношение постоянных и переменных величин прослеживается и на мифологическом материале⁸⁶, — чем создается реальная перспектива прочтения инвариантного содержания мифо-символического языка на основе исчисления мифологических повторяемостей.

Сами возможности исчисления легче всего продемонстрировать на примере тех повторяемостей, посредством которых описывается последовательность фазовых изменений мифологической модели мира (поскольку мифологами эти фазы изучены обстоятельнее всего).

В первую очередь здесь привлекает внимание тот класс мифологических текстов, где речь идёт о двух важнейших составляющих мифологической модели мира — о «небе» и «земле». Но прежде чем приступить к самой операции исчисления, напомним о смысловой специфике символических (в данном случае древнейших мифологических) понятий. «Небо» и «земля» в системе мифологических представлений — совсем не то же самое, что подразумевается под данными понятиями сегодня. Например, древние египтяне представляли себе «небо» в образе коровы (а также и в других образах); у Цицерона читаем, что «небо» мыслилось некогда в образе большого человека; у австралийского племени аранда олицетворением «неба» считалось фантастическое существо с ногами страуса. Дальневосточные орочи, желая изобразить «землю», рисовали восьминогого лося; в представлениях африканского племени догонов «земля» — это ком глины в форме женского тела и т. д. А общим для этих, столь разных, образов является то, что все они встроены в некие универсальные ситуативные контексты (в повторяющиеся мифологические мотивы), почему и доступны формализации.

С учётом сказанного и нужно рассматривать повествования о том, как мифологические «небо» и «земля» находились первоначально в слитном состоянии, а затем были разъединены. Так, на стадии слитного состояния «небо» и «земля» представлены обычно теми или иными «предсубстанциями» (персонифицированными или предметными),

⁸⁴ Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа. М.: «Наука», 1975. С. 50.

⁸⁵ Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: «Academia», 1928. С. 7.

⁸⁶ Иванов Вяч. Вс. Верх и низ // Мифы народов мира: В 2 тт. М.: «Сов. энциклопедия», 1980. Т. I. С. 54–67.

изначально «заряженными» некой разделительной потенцией. Это и разнообразные варианты так наз. «мирового яйца», имеющие иногда весьма необычные формы (например, в мифологии кхмеров мировое яйцо описывается как круглое с одной стороны и квадратное с другой). Это и всевозможные янусовидные, андогинные и прочие двуприродные существа, а также близнечные и супружеские пары, мыслимые вначале как единое целое. Это и «гора небес и земли» из вавилонской клинописной таблички, и модель мира в форме древесного гриба из двух сросшихся половин — верхней и нижней — у пангве (Зап. Африка), и эта же модель в форме двустворчатой раковины — у меланезийцев, и та изначальная «слитность неба и земли», из которой родилось высшее божество североамериканского племени навахо. Перечисление примеров такого рода в их реальном объёме заняло бы слишком много времени и места; в специальной литературе все они рассматриваются как частные случаи двоичной символической классификации, посредством которой в обществах с архаичной социальной организацией описывалось обычно устройство мира⁸⁷.

Следующая фаза выглядит как логическое завершение предыдущей: как высвобождение изначально заложенных в вышеперечисленных «предсубстанциях» разделительных потенций. То есть все такие «предсубстанции» или расходятся (размыкаются) сами, или же искусственно разделяются — с помощью персонификаторов указанных потенций. Символические отражения этой фазы представлены картинками раскалывания мирового яйца, разъятия сросшихся первопредков-супругов и близнецов-демиургов, раздвигания сомкнутых «неба» и «земли», разрывания на две части мифического первосущества. Так, аккадские мифы отводят главную роль в становлении мира моменту разрубания чудовища Тиамат пополам. В гимнах «Ригведы» изначальные супруги Дьяус и Притхви, некогда слитые воедино, разъединяются и укрепляются порознь. В египетской мифологической традиции в роли «разъединителя неба и земли» выступает божество Шу; в китайской — предок Пань Гу, в полинезийской — Тангароа. В мифологиях финнов, догонов и многих других народов мировое яйцо делится на две части. В мифологиях североамериканских индейцев, народов Юго-Вост. Азии и племен Австралии низко висящее над землей (или даже лежащее на ней) «небо» поднимается вверх; в других мифологиях (например, в рапануйской), напротив, «земля» опускается вниз и т.д. Примеры, иллюстрирующие эту — кульминационную для всей первобытной системы воззрений — фазу,

⁸⁷ Иванов Вяч. Вс. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // «Народы Азии и Африки», 1969, № 5; Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О типологии систем двоичных классификационных признаков // Они же. Исследования в области славянских древностей. М., «Наука», 1974. С. 259–305.

относятся к числу наиболее распространенных в традициях народов всех континентов.

С формальной точки зрения последовательность обеих фаз может быть осмыслена как вербальное воспроизведение ситуации «деления» и наглядно представлена соответствующей графической схемой (см. рис. 1):

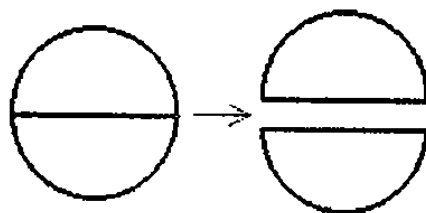

Рис. 1

Второй универсальный, повсеместно распространённый комплекс космогонических сюжетов о «небе» и «земле» описывает ту фазу их «взаимоотношений», которая задаётся наличием в модели мира так называемого «мирового дерева»⁸⁸, функционально служащего *точкой соприкосновения* и *каналом связи* между «небом» и «землёй» (трёхчленные варианты «древа» здесь не рассматриваются как вторичные, то есть как возникающие внутри двучленных «благодаря повторному наложению оппозиции «верх — низ» на одну из частей дуальной системы»⁸⁹). Поскольку смысловое содержание данного комплекса в его наиболее полном текстовом выражении подразумевает, с одной стороны, фазу «возникновения (вырастания) мирового дерева», а с другой — фазу «прекращения его функционирования» (фазу «пресечения связи» между «небом» и «землёй»), то с формально-логической точки зрения оно вписывается в приведённую выше графическую схему на правах символического «промежуточного члена» (см. рис. 2):

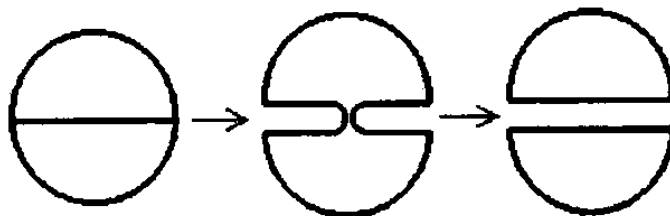

Рис. 2

⁸⁸ Топоров В.Н. Двево мировое // Мифы народов мира: В 2 тт. М.: «Сов. энциклопедия», 1980. Т. I. С. 398.

⁸⁹ Иванов Вяч. Вс. Верх и низ // Мифы народов мира, Т. I. С. 234.

Третий универсальный сюжетный комплекс представлен тем классом космогонических текстов, где описывается фаза, предшествующая всем вышеперечисленным. Сюда в первую очередь относятся рассказы о происхождении «земли» как о процессе, возбуждённом некой изначально существующей средой обитания и курирующей силой («небо», «мир первопредков» и т. д.). Сюда же относятся представления о «хаосе» как о «принципе становления»: как о «живой и животворной основе жизни», как о «месте, вмещающем в себя целое», как о том, что дало начало «мировому яйцу»⁹⁰ и т. д. Сюда же относятся те, наиболее архаичные, мифы о всемирном потопе, в которых ситуация *после потопа* означает не высаживание на прежнюю землю (это вторичная рационализация мифа), а создание новой (имеющей вначале вид «плота», «ковчега», «плавучего острова» и т. д., постепенно увеличивающегося до размеров нынешнего обитаемого мира). И сюда же относятся мифы о «космической жертве», из тела которой возникает нынешняя земля (индийский Пуруша, скандинавский Имир и др.). — Эту фазу космогонии уместно назвать фазой «вызревания двоичной модели мира» и поместить в самое начало нашей графической схемы. А вся схема обретает, таким образом, вид последовательности процессов «удвоения» и «деления» (см. рис. 3):

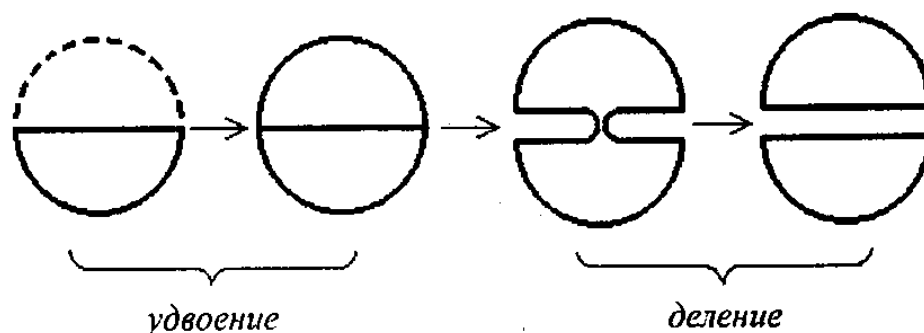

Рис. 3

Повторюсь: сами по себе вышеописанные фазы космогенеза в науке о мифах давно и хорошо известны. Новым здесь является лишь принцип их взаимного расположения, дающий на «выходе» *осмысленный с точки зрения своей связности и целостности результат — алгоритм «удвоение→деление»*⁹¹. Связность и целостность этого результата и является критерием правильности предлагаемого здесь исчисления мифологических повторяемостей, — поскольку создаёт в перспективе возможность перекрёстных проверок данного и всех последующих исчислений.

⁹⁰ Лосев А.Ф. Хаос // Мифы народов мира: В 2 тт. М.: «Сов. энциклопедия», 1980. Т. 2. С. 579–580.

⁹¹ Впервые данная схема опубликована в работе: Горюнков С. В. Самовоспроизводство и мифология // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: Издательство Томского университета, 1985. С. 5–7.

5. Матричный принцип

Нетрудно показать, что в категории разделительного процесса укладываются не только «небо» и «земля», но также «солнце» и «месяц», сюжеты о «разлучении» которых относятся к числу всемирно распространённых. И не менее широко распространены те повествования на темы разделения мифических объектов, где их половины («правые — левые», «верхние — нижние», «мужские — женские», «круглые — квадратные» и т. п.) соотносятся не только с «небом» и «землёй» или с первой супружеской парой, но также и со многими другими, иногда весьма изощрёнными в художественном отношении, образами.

Существенно и то, что рисуемые мифами кульминационные картины являются достаточно часто воспроизведениями порубежной ситуации, по одну сторону которой остается мифическое время первотворения, а по другую — начинается уже собственно-историческое время. Такое различие двух видов времени, осознанно-значимое для мифологического образа мышления, принципиально закреплено в дизъюнктивных описаниях: «Прежде люди имели по четыре руки, четыре ноги и два лица, — гласит орфический миф, — но впоследствии Зевс разделил их пополам». Или: «Солнце, Месяц, Небо, Море, Рассвет, Тьма и Вселенная были раньше людьми», — говорится в чукотском мифе, — «но после того, как тела их уменьшились вполовину, мир принял свой нынешний облик». И т. д.

Все эти примеры свидетельствуют, что на некоем надязыковом, или, правильнее, метаязыковом уровне мифологические образы выступают в качестве своего рода «кодов», посредством которых описывается устройство мифологической модели мира (напомню, что природа информационных связей и преобразований иначе как в кодовой форме вообще не существует⁹²). А образуемые «кодами» формальные структуры и призваны в процессе их деформализации объяснить, на какую эмпирически наблюдаемую реальность похожа динамика мифологической модели мира.

Объяснение же в данном случае лежит на поверхности, поскольку алгоритм «удвоение→деление» представляет собой идеальную форму выражения структуры самовоспроизводственного, или матричного принципа⁹³. Ведь самовоспроизводство — это не что иное, как вызревание дочерней системы на матричной и её последующее отделение от матрицы (понятие «матрица» — однокорневое со словом «мать»; не путать это

⁹² Дубровский Д.И. Расшифровка кодов (методологические аспекты проблемы) // Вопросы философии. 1979. № 12. С. 87.

⁹³ Кольцов Н.К. Избранные труды. М.: «Наука», 2006. С. 164.

понятие с той его сниженной негативной интерпретацией, которую дал известный одноимённый фильм).

Специфика всякого самовоспроизводственного процесса заключается в том, что протекающие в нём процессы, внешне похожие на усложнение, на самом деле являются *процессами перевода скрытых форм сложности в явные*. И уже только поэтому всё вышеизложенное предполагает осмысление эволюционно-исторической проблематики с точки зрения её потенциального соответствия структуре матричного принципа.

На практике такое осмысление означает, что явление, которое мы привыкли называть «эволюционно-историческим процессом», нужно образно совместить со структурой матричного принципа и затем посмотреть, *что именно* представляет собой результат совмещения. А общее представление о способе совмещения даёт схема 1:

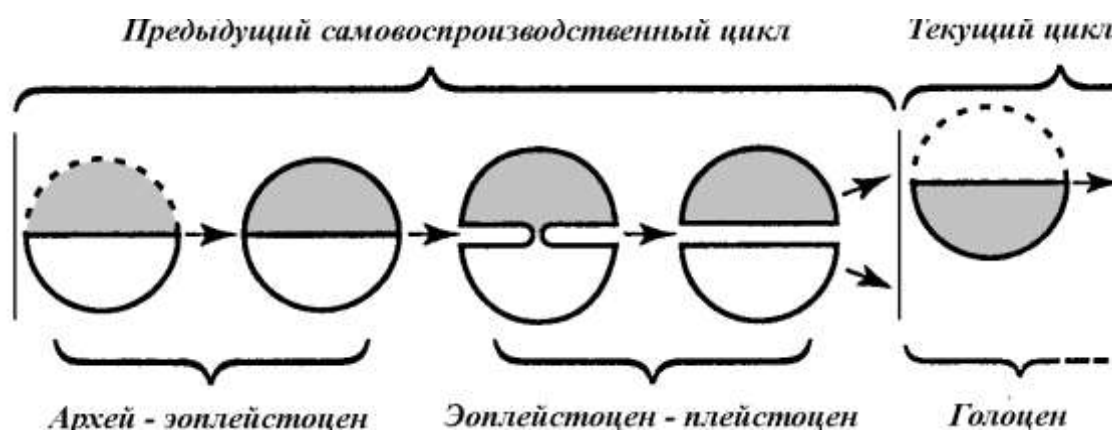

Схема 1.

Из схемы 1 видно, что явление, называемое «эволюционно-историческим процессом», при его наложении на структуру матричного принципа начинает выглядеть как производное двух самостоятельных, но органически вытекающих один из другого самовоспроизводственных циклов (на схеме это «производное» затонировано). Видно, что в предыдущем самовоспроизводственном цикле затонированная часть схемы выполняла дочернюю функцию, а в текущем выполняет матричную (перемена функции обозначена перевёртыванием затонированного полукружия). Видно также, что незатонированная составляющая предыдущего цикла — это гипотетическая матрица. Наконец, видно, что с точки зрения своего соответствия структуре матричного принципа «эволюционно-исторический процесс» может быть интерпретирован следующим образом:

1 — этап, связанный с прогрессирующим развитием биологических форм, является на самом деле этапом вызревания дочерней системы на

гипотетической матричной. Геологически читаемая продолжительность этого этапа — от архея вплоть до начала плейстоцена (плейстоцен — это эпоха великих оледенений).

2 — этап, связанный с промежуточным положением между биологической и социокультурной линиями эволюции, является на самом деле этапом отделения дочерней системы от гипотетической матричной и, соответственно, этапом превращения бывшей дочерней системы в новую матричную систему. Геологически читаемая продолжительность этого этапа совпадает с длительностью эпохи плейстоцена (в конце которой, как считается, на земле появился палеолитический человек современного вида).

3 — этап, связанный с возрастанием в нём роли антропогенного фактора (начиная с конца плейстоцена и по сегодняшний день), является на самом деле началом нового самовоспроизводственного цикла. Геологически читаемая продолжительность этого этапа совпадает с длительностью текущей эпохи голоцена — от неолита до современной технической цивилизации (где последняя поддается интерпретации в категориях матричного принципа: как «вторая природа», стремящаяся достигнуть уровня сложности «первой»⁹⁴). А память о матрице предыдущего цикла пережиточно сохраняется на этом этапе в мифорелигиозных представлениях об «ином мире» — мире «первопредков», «демиургов», «людей древнего народа» и т.п. — позднейших «богов».

Вхождение в «круг» — это сигнал, оповещающий, что навязанный нам «просвещенческим проектом модерна» взгляд на себя как на творцов и хозяев собственной культуры окончательно себя изжил. *В свете эмпирических данных мы оказались похожи на запрограммированных культурой и «играющих в нее» детей.* К тому же играющих не по собственному произволу и хотению, в чем до сих пор убеждено подавляющее большинство «ушибленных прогрессизмом» представителей научного сообщества, а по заданным самой культурой (её структурой, динамикой и функциями) правилам. А надежды на духовное повзросление приходится в этой ситуации связывать исключительно с пересмотром принципов традиционной общенаучной методологии.

Начинаться такой пересмотр должен, разумеется, с обновления предпосылочной базы. Что уже и осознано: «Сегодня задачей любого мыслящего человека является демистификация моделей и анализ их истоков. Мы должны пройти к самым основаниям тех утверждений, на которых они базируются и к которым мы привыкаем из-за

⁹⁴ Подробнее: Горюнков. О проблемах изучения смысловой... //

<https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/955>

идеологической обработки в школе и в средствах массовой информации»⁹⁵.

В общетеоретическом плане речь идет, как видим, о явлении, которое по традиции, восходящей к научному наследию В. И. Вернадского, принято называть *сменой мировоззренческой парадигмы*. Напомним, что говорил об этой смене сам Вернадский: Материализм — это философское течение, «которое было живым в конце XVIII, середине XIX века и которое в тех проявлениях, в каких оно выражается в науке, является историческим пережитком...»⁹⁶. «То, что казалось логически и научно неизбежным, в конце концов оказалось иллюзией, и явление предстает нам в таких формах, которые никем не ожидались»⁹⁷; «Мы подходим к очень ответственному времени, к коренному изменению нашего научного мировоззрения»⁹⁸; «Ясно, что жизнь неотделима от космоса, и её изучение должно отразиться, может быть, очень сильно, на его научном облике»⁹⁹. «Идея вечности и безначальности жизни — помимо её космических представлений — давно проникает научное мировоззрение отдельных натуралистов... Но сейчас эта идея получает в науке особое значение, так как наступает момент истории мысли, когда она выдвигается вперёд как важная и глубокая основа слагающегося нового научного мировоззрения будущего»¹⁰⁰.

Данным направлением научной мысли открывается возможность *экспериментальной* проверки представления, согласно которому окружающий нас и включающий нас в себя мир является живой самовоспроизводящейся структурой в общей иерархии структурных уровней живой материи. Но такой — пока ещё крайне непривычный — образ мира влечёт за собой необходимость пересмотра и другого главного вопроса человеческого бытия — вопроса о месте человека в мире. Вопрос звучит так: каково это место? Таково ли, что человек в мире — исчезающая малая подробность, которой допустимо пренебречь? Или же, напротив, мир целиком и полностью структурирован «человеческим фактором» — мыслями, словами и поступками каждого отдельного человека?

Вот как, напомним, отвечает на этот вопрос создатель ОТС Л. фон Берталанфи:

«Если реальность представляет собой иерархию организованных целостностей, то и образ человека должен отличаться от его образа в мире физических частиц, в котором случайные события выступают в качестве

⁹⁵ Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать её наука. М.: Изд-во «Эксмо», 2002. С. 118–256.

⁹⁶ Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М.: «Сов. Россия», 1989. С. 112–113.

⁹⁷ Вернадский В. И. Биосфера. М.: «Мысль», 1967. С. 236–237.

⁹⁸ Вернадский В. И. Изучение явлений жизни и новая физика // Известия АН СССР, VII с., № 3, 1931. С. 417.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. С. 112–113.

последней и единственной “истины”. Мир символов, ценностей, социальных и культурных сущностей в этом случае представляется гораздо более “реальным”, а его встроенность в космический порядок окажется подходящим мостом между... наукой и гуманитарным мироощущением, технологией и историей, естественными и социальными науками или сторонами любой иной сформулированной по аналогичному принципу антитезы»¹⁰¹.

С этим предвосхищением перекликаются те соображения Вернадского, которые касаются роли человеческого фактора в новой картине мира: «Ход развития человеческой мысли вполне аналогичен естественным процессам, то есть совершается не по законам человеческой логики, а по своим неведомым и непредвидимым нами путям»¹⁰². «Может быть, мысль, основа личности, бессмертна»¹⁰³. И сходное направление мыслей видим у некоторых других специалистов. В частности, у А. А. Любищева читаем: «Теперь намечается синтез: Вселенная не хаос, а Космос; эволюция основана не на борьбе хаотически возникающих изменений, а на... наличии подобного сознанию творческого начала»¹⁰⁴.

Аналогично у В. В. Налимова: «Происхождение или эволюция Вселенной в значительной мере может зависеть от её совместимости с интеллектом. Парадоксально, что в то время как физики считают невозможным обсуждение динамики Вселенной без обращения к человеческому сознанию, непосредственно причастному к ней, философы-материалисты всё ещё утверждают, что сознание — это всего лишь “механический придаток” машины”».

«Бессмертная мысль», воплощённая в «подобном сознанию творческом начале» — чем, спрашивается, не реинкарнация — но уже на строго научном уровне — формулы «Вначале было Слово»? Не она ли, эта реинкарнация, угадывается в так называемой «предструктуре понимания, превосходящей своим содержанием идею строгости самых точных наук» (М. Хайдеггер)? Не о ней ли говорится как о «дорефлексивной инфраструктуре неявных допущений» (А. У. Гоулднер, А. П. Огурцов), как о «предрассудках, выполняющих функцию предрассуждений» (Х.-Г. Гадамер), как о «нераспакованном семантическом континууме» (В. В. Налимов)? Не скрыта ли в её метаязыковых тайниках надежда на реабилитацию понятий «совести», «справедливости» и прочих категорий того же рода, скомпрометированных и обесцененных материалистической наукой? И не стоим ли мы на пороге слома «ловушки псевдовыбора между верой и

¹⁰¹ Бергаланфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. М.: «Наука». 1973. С. 36.

¹⁰² Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: «Наука», 1988. С. 221.

¹⁰³ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: «Наука», 1981. 349 с. С. 78.

¹⁰⁴ Любищев А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов: сб. ст. М.: «Наука», 1982. С. 196.

знанием» — ловушки, созданной именно материалистическим восприятием мира?

К тем же по сути вопросам подводит постулированное квантовой теорией неразрывное единство наблюдаемой и наблюдающей реальностей. И на них же заостряет внимание «антропный принцип в космологии», согласно которому фундаментальные параметры Вселенной оказываются почему-то именно такими, какие необходимы для изначального существования в ней разумной жизни¹⁰⁵.

Из предложенной трактовки алгоритма «удвоение–деление» вытекают, как минимум, два необычных по своим мировоззренческим следствиям выводы:

1 — Традиционное противопоставление обществоведения естествознанию теряет смысл, поскольку структура мифологической модели мира оказывается выстроенной в соответствии со структурой важнейшего естественнонаучного (матричного) принципа;

2 — Введением понятия «управляющей матрицы» в круг современных научных представлений об исторической динамике надорганизменных систем снимается традиционное противопоставление друг другу религии и науки, поскольку само понятие «управляющей матрицы» оказывается здесь ничем иным как научным эквивалентом религиозного представления о Боге (оно удовлетворяет различению Творца и его творения).

Всё это означает, что перед нами — мифологический метаязык с многообещающим смысловым наполнением. Думать так приходится потому, что и структура матричного принципа не исчерпывается последовательностью процессов «удвоения» и «деления»¹⁰⁶, и содержание мифологической системы представлений не исчерпывается классами текстов, описывающих последовательность фазовых изменений мифологической модели мира.

Разумеется, в полной мере программа изучения мифологического метаязыка сможет быть реализована лишь при условии совершенствования методики исчисления мифологических повторяемостей. Ведь главный объём имеющихся в нашем распоряжении нужных текстов — это не готовый к исчислению материал, а его всевозможные «исторические обломки». Поэтому, чтобы применить к разновременным повторяемостям типологический подход, нужно в рамках *подпрограммы* «инвариант и его трансформация» провести огромную подготовительную работу по выявлению универсальных правил трансформации инварианта.

¹⁰⁵ Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология. Теории и наблюдения. М., 1978. С. 369–370.

¹⁰⁶ Зеленин А. В. Кольцов Н. К. и современные представления о передаче и реализации генетической информации // Кольцов Н. К. Избранные труды. М.: «Наука», 2006. С. 168–170.

Сложность такой работы хотя и велика, но вполне представима и преодолима. А «игра», судя по всему, стоит свеч, потому что только на путях последовательного и масштабного решения поставленной задачи обретёт окончательную убедительность хайдеггеровский прогноз: **«Онтологические предпосылки историографического познания принципиально превосходят идею строгости самых точных наук»**¹⁰⁷.

7. Новая этика

Следствие, вытекающее из всего вышесказанного, формулируется так:

Этические установки целиком производны от мировоззренческих предпосылок. А именно: от того, каким представляется «устройство мира», целиком зависит понимание человеком своего места в мире и должного поведения в нём. И если прежние понимание «устройства мира» принципиально отлично от нового, то должны различаться и этические установки, находящие опору для себя в различении старого и нового мировоззрений.

Установки, как видим, действительно различаются; в этом убеждает сравнение традиционных («предрассудочных» в системе материалистических предпосылок) моделей мира, учитывающих фундаментальную роль этических ценностей, и современной научной (материалистической) модели, не признающей за ними такой роли. Именно эти две категории моделей являются сегодня конечными продуктами междивизиационного «диалога двух режимов» в истории культуры: того, который пытается сохранить прежние представления об изначальной сложности мира, и того, который стремится упростить эти представления, довести их до «беспредпосылочной кондиции».

На почве второго режима, с одной стороны, пышно расцветает стиль мышления, рассматривающий нравственность как некую изначальную заложенную в человеке сущность, обязанную обнаружить себя по первому требованию «идеологического заклинателя». (Классическими образцами такого стиля мышления являются — в условиях преобладания материалистической умонастроенности — и «Моральный кодекс строителя коммунизма» советской эпохи, и нынешнее упование на «социальную ответственность бизнеса»). С другой стороны, на этой же почве вступает в свою завершающую фазу борьба за монопольное обладание статусом «носителя добра». Причём борьба ведётся сразу по многим «фронтам»: по расовым (обосновывающим «цивилизаторское бремя белого человека» или «повышенную жизнеспособность чёрного

¹⁰⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб: «Наука», 2006. С. 153.

(жёлтого и др.)», по классовым (превращающим бывших господ в люмпенов, а люмпенов, в том числе и духовных — в господ), по социал-дарвинистским (провозглашающим право «приспособленных» народов» жить за счёт «неприспособленных»), по политико-идеологическим (санкционирующим ковровые бомбардировки «недемократических» и «тоталитарных» режимов).

Религиозная сфера тоже оказывается втянутой в эту борьбу, реализуемую одновременно и в различении «своих» и «чужих» (по формальному критерию «истинной веры»), и в объединении тех и других под единой крышей «общечеловеческих ценностей». А привилегированным полем борьбы за «общечеловеческие ценности» становится в истории культуры всё же секулярная сфера: главным образом в ней эти «ценности» постоянно, хотя и не слишком успешно, конкурируют с другими идеологиями за право доминирования в массовом сознании. И очередной виток такой конкуренции, искусственно навязанной сверху, человечество переживает сегодня, в том числе в России, где прежнее, реалистичное восприятие жизни как противоречивого единства (диалога) двух ценностных установок постепенно вытесняется пропагандой «относительности» этих установок, пропагандой невозможности и ненужности их различения, то есть — технологией «общечеловеческих ценностей».

Стараниями СМИ технология назойливо внедряется в сферу «коллективного бессознательного». Отсюда, из этой сферы, неподконтрольная критической рефлексии, она пытается незримо воздействовать на общественный менталитет, *камуфлируя* реально присутствующую в нашей жизни напряжённость отношений между носителями двух диаметрально противоположных ценностных установок — между людьми, которые одно и то же явление, событие или личность оценивают с диаметрально противоположных позиций. Вот почему задаваемые учебниками и средствами массовой информации оценки исторических явлений, процессов, событий и личностей нужно воспринимать не как проявление «объективной, научно доказанной истины», а как выражение идеологических установок и ценностных предпочтений тех «референтных групп», которые в момент вынесения оценок находились или находятся у власти.

Уже само наличие *камуфляжа* объясняет очень многое. Например, оно объясняет, почему постоянно «редактируется» история — не только чья-то национальная, но и мировая. И оно же объясняет, откуда берётся *криптополитика* с её неистребимым «двойным счётом», с её смешением реальности и спектакля¹⁰⁸, с её искусством ведения информационных войн, с её владением технологиями манипулирования общественным

¹⁰⁸ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: «Алгоритм», 2000. 735 с. С. 172–177.

сознанием, включая главнейшую технологию «борьбы за общечеловеческие ценности».

Всё это — специфика современного межцивилизационного диалога, имеющего явную тенденцию вырождения в агрессивный монолог (в «затыкание рта» идеологическому оппоненту). Назовём (условно) эту специфику «старой этикой», а ту, которая вытекает из новой мировоззренческой парадигмы – «новой».

В ситуации серьезного планетарного кризиса, производного от отсутствия общепризнаваемых критериев различения «добра» и «зла», старая этическая политика, давно обретшая манипулятивный характер, исторически себя исчерпала, связала общественное развитие с непрерывными кровавыми разборками и оказалась непригодной для общественного гуманного развития. Возник запрос общества на новую этическую мотивацию поведения.

Старая этика основана на деструктивной логике захвата и удержания материальных благ в личных корыстных целях любой ценой.

Новая мировоззренческая парадигма мышления и поведения человека – это взгляд на окружающий мир и деятельность через призму нравственности, состоящую из трех граней: не причинение ущерба себе, соседям, среде (правило III-C).

Новая или экологическая дискурсивная этика – это область исследований, в рамках которой изучается нравственность, под которой понимается поведение человека, при котором не причиняется вред себе, другим и окружающей среде.

Новая этика выражает основную сферу регуляции человеческих отношений и связанные с ней чувства солидарности, справедливости, свободы и этических ограничений поведения.

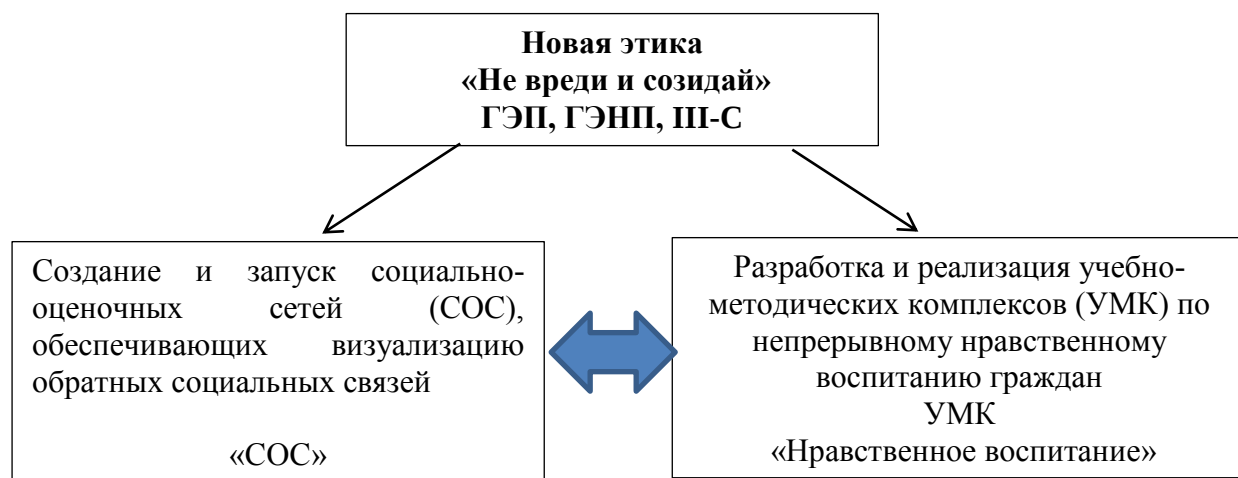

Рис. 4. Новая этическая основа социально-оценочных сетей и учебно-методических комплексов по нравственному воспитанию граждан

На рисунке 4 приняты следующие условные сокращения:

ГЭП - *глобальный экологический принцип*: человек не должен вредить себе, другим людям и среде обитания;

ГЭНП - *глобальный этический нравственный принцип*: человек должен вести себя так, чтобы не вредить себе, другим людям и среде обитания;

нравственное правило III-C: не вреди себе (C1), соседям (C2), среде обитания (C3) ни мыслью, ни словом, ни делом; создай для себя, соседей, среды мыслью, словом, делом;

ДОМ - *дискурсивно-оценочный метод* основан на отражении (визуализации) обратных социальных связей в системах государственного управления.

Новая этика лежит в основе экологических социальных технологий (экосоциальных технологий), под которыми понимается совокупность приемов применения дискурсивно-оценочного метода при формировании нравственного мировоззрения для всего человечества. Эти технологии используются для обеспечения примата духовного над материальным в сознании и поведении человека, согласно Указа Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 года.

На базе экосоциальных технологий конструируются и внедряются дискурсивно-оценочные сети, встроенные в единое пространство государственного управления с функцией публичной поддержки принятия решений которые обеспечивают нравственное и созидательное поведение людей, нравственное поведение и нравственное управление.

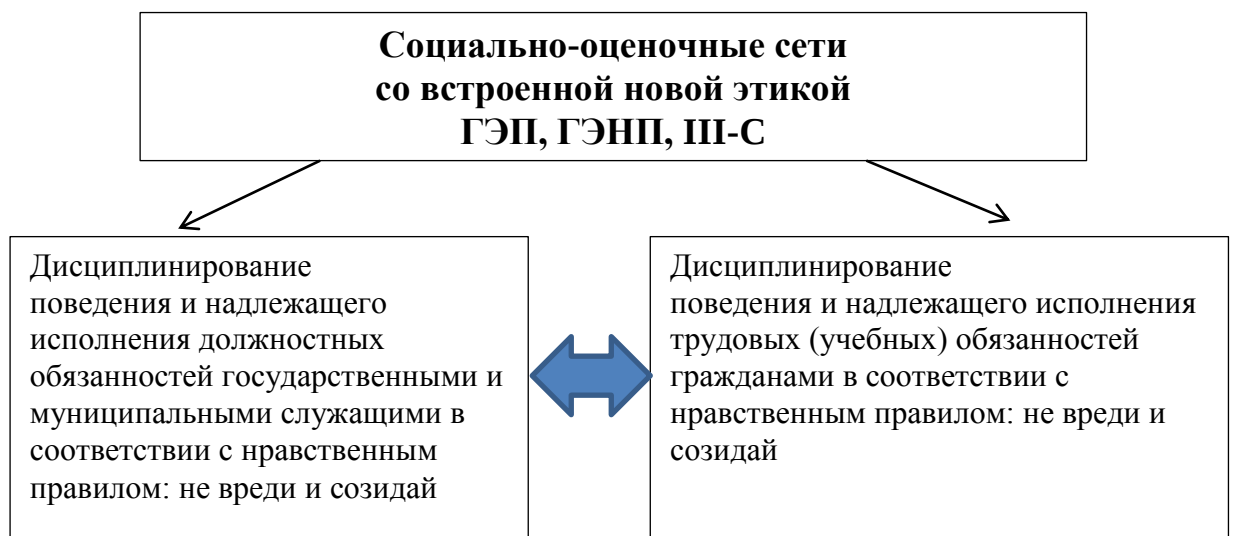

Рис. 5. Функция автоматического дисциплинирования поведения и управления

Нравственное поведение – это поведение, при котором исключается причинение вреда себе, другим людям и окружающей среде.

Нравственное управление – это процессы целеполагания, мотивации, организации, исполнения и контроля решений органов власти и частных организаций, исключающие причинение вреда гражданам и среде их обитания.

Рис. 6. Функция нравственного воспитания граждан, обеспечивающего формирование нравственного гражданина

Структуру новой этики составляют экосоциальные технологии, обеспечивающие формирование нравственного поведения у любого социального субъекта.

Экосоциальные технологии были разработаны в СССР военными учеными В.А. Чигиревым и П.И. Юнацкевичем, которые занимались решением проблемы снижения летальности войн. Войны – постоянный процесс, с помощью которого разрешаются все противоречия в отношениях людей, их устранить не представляется возможным. Однако летальность войн можно существенно снизить, применяя новые технологии, получившие название «экосоциальных».

Разработанные технологии снижения летальности противоборства людей военные ученые разделили на две группы:

1. Экосоциальные технологии дисциплинирования, к которым относится формирование профилей личности, групп и коллективов, социальное рейтингование, индексирование на базе применения методов групповой, коллективной и массовой оценки личности (ГОЛ, КОЛ, МОЛ) и метода естественных тестов (МЕТ), основанных на распознавании и экспертной социально-психологической оценке фрагментов поведения человека. Применяются эти технологии в автоматическом режиме с помощью соответствующих автоматизированных систем управления (АСУ) для дисциплинирования поведения человека. Эти технологии позволяют купировать недостатки правовой системы государства, в котором институты права не в состоянии обеспечить дисциплинирование масс, минимизировать криминализацию государства и общества.

2. Экосоциальные технологии воспитания и обучения, которые объединены в новое педагогическое направление — в нравственную педагогику, состоящую из специальных учебно-воспитательных комплексов, реализуемых через традиционные педагогические системы (учреждения образования) на протяжении всей жизни человека, обеспечивающие формирование нравственного поведения человека, то есть практическую реализацию правила III-C в поведении и мышлении каждого гражданина: не вредить себе (C1), соседям (C2), среде (C3) ни мыслью, ни словом, ни делом; созидать для себя, соседей, среды мыслью, словом, делом.

Путь в будущее человечества неразрывно связан с новой этикой, направленной на воспитание нового человека, невреждающего и созидającego. Такой человек не будет вести летальных войн, а противоборство неизбежно и будет осуществляться с помощью нелетальных гуманных средств и способов борьбы, которые разработаны были еще в СССР нашими военными учеными.

Оценка этичности социального действия каждого каждым обеспечивает права и свободы каждого не декларативно, а по существу.

Основным способом формирования нравственного поведения выступают массовые этические оценки и визуализация их результатов в режиме реального времени.

Визуальное отражение в информационных средах и дискурсивных площадках результатов массовых этических оценок выполняет функцию формирования нравственного поведения — этического регулятора.

В старой этике использование понятий «добро» и «зло» осуществлялось для прикрытия последующего отъема и перераспределения ресурса к личной выгоде. Так реализовывался корыстный мотив, прикрываемый полной безответственностью. Лица, мировоззрение которых составила старая этика, стали получать и

использовать криминальный опыт для личного материального обогащения. Они оказались неспособными управлять государством во благо народа. Поэтому и не могут найти поддержки в народе, что очевидно во время войны, когда народ не заинтересован в победе своего правящего режима, особенно, если эта война идет не за человека, а за территории. Опереться на народ такие криминальные руководители не могут. Их опора – это банды, мафии, кланы, куда они и несут все наворованное. Такой путь утомил все человечество, ибо он кровавый, несправедливый, безнравственный.

Новая этика обеспечивает примат духовного над материальным, задает нравственное координирующее начало любого дела. Социальные субъекты не должны наносить ущерба друг другу, все проблемы решаются в дискурсах. **Привычка нравственного поведения социальных субъектов в публичных и частных отношениях, построенных на принципе непричинения ущерба друг другу, формируется автоматически путем практического применения экосоциальных технологий.**

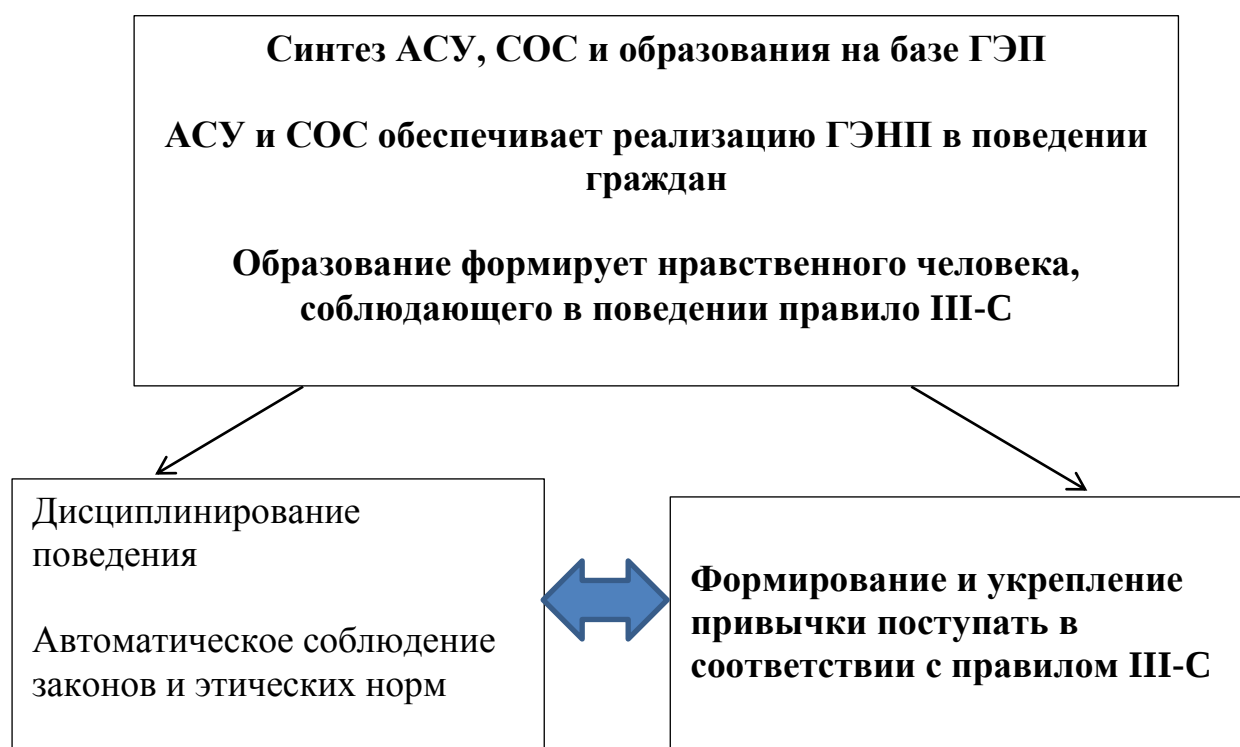

Рис. 7. Функция нравственного воспитания граждан, обеспечивающего формирование нравственного гражданина

На рисунке 7 приняты следующие условные сокращения:

АСУ – автоматизированные системы управления поведением, подготовкой, профессиональным использованием специалистов, дискурсивно-оценочными практиками.

СОС – социально-оценочные (дискурсивно-оценочные) сети со встроеной новой этикой.

Нравственность, как идея непричинения вреда, естественным образом принимается каждым человеком, используется в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации, выступает основой всей жизнедеятельности граждан.

Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 года направлен на преодоление последствий нравственного кризиса, в ходе которого произошла девальвация традиционных ценностей, сформировался культ денег и обогащения любой ценой. Нравственный кризис привел к кризисам во всех сферах жизнедеятельности человека. Возникли новые угрозы общественной безопасности, усилились традиционные вызовы, такие как коррупция, организованная преступность, терроризм, экстремизм, бедность и нищета. Стала очевидна необходимость защиты и укрепления нравственности человека, общества и государства, создание правового механизма её обязательного учета во всех сферах жизнедеятельности граждан.

Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 года определяет механизм обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на основе учета нравственности в регулировании общественных отношений и социальных процессов.

На основе данного Указа Президента Российской Федерации вводится этическая, профессиональная и правовая ответственности за безнравственность, не этическое поведение и бессовестность.

Исполнение Указа Президента Российской Федерации должно обеспечить реализацию нравственного подхода во всех процессах жизнедеятельности граждан Российской Федерации.

Структура новой этики состоит из следующих компонентов:

правовые основы новой этики – Конституция Российской Федерации, Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 года, Указ Президента РФ № 400 от 02 июля 2021 г. № 400, Указ Президента Российской Федерации № 808 от 24.12.2014 года, Указ Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 года, Указ Президента РФ № 344 от 29 мая 2020 года, Федеральный закон «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» № 79-ФЗ от 27 июля 2004 года (с изменениями и дополнениями), Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;

глобальный экологический принцип (ГЭП): человек не должен вредить себе, другим людям и среде обитания;

глобальный этический нравственный принцип (ГЭНП): человек должен вести себя так, чтобы не вредить себе, другим людям и среде обитания;

нравственное правило III-C: не вреди себе (C1), соседям (C2), среде обитания (C3) ни мыслью, ни словом, ни делом; создай для себя, соседей, среды мыслью, словом, делом;

дискурсивно-оценочный метод основан на отражении (визуализации) обратных социальных связей в системах государственного управления. Он стал новым инструментом управления поведением военных специалистов. Сбор, систематизация и представление органам государственного управления данных об отношениях, их обязательный учет и экспертная проверка в государственном управлении позволяют избежать социальной катастрофы;

экосоциальные технологии дисциплинирования, к которым относится социальное рейтингование, индексирование на базе применения методов групповой, коллективной и массовой оценки личности (ГОЛ, КОЛ, МОЛ) и метода естественных тестов (МЕТ), основанных на распознании и экспертной социально-психологической оценке фрагментов поведения человека. Применяются эти технологии в автоматическом режиме с помощью соответствующих автоматизированных систем управления (АСУ) для дисциплинирования поведения человека. Эти технологии позволяют купировать недостатки правовой системы государства, в котором институты права не в состоянии обеспечить дисциплинирование масс, минимизировать криминализацию государства и общества;

экосоциальные технологии воспитания и обучения, которые объединены в новое педагогическое направление - нравственную педагогику, состоящую из специальных учебно-воспитательных комплексов, реализуемых через традиционные педагогические системы (учреждения образования) на протяжении всей жизни человека, обеспечивающие формирование нравственного поведения человека, то есть практическую реализацию правила III-C в поведении и мышлении каждого гражданина: не вредить себе (C1), соседям (C2), среде (C3) ни мыслью, ни словом, ни делом; создавать для себя, соседей, среды мыслью, словом, делом;

социально-оценочные сети:

<https://www.globalnrav.ast.social>;

<https://euroopen.ast.social>;

тенденции развития новой этики: сочетание информационных технологий и социальных технологий, создание социально-оценочных, дискурсивно-оценочных сетей, выполняющих функцию дисциплинирования поведения, воспитания и обучения. Здесь реализуется идеал образования как процесс постоянной перестройки и коррекции индивидуального опыта. Он независим от возраста и, по сути, представляет собой идеальный механизм непрерывного образования. Это механизм совпадает с процессом жизнедеятельности, механизмом самой жизни в ее постоянном усовершенствовании.

Новая этика как универсальная теория морали, лишена недостатков старой этики и позволяет технологически создавать нравственного субъекта деятельности, созидającego и невреждающего. На индивида налагается ответственность за совершенное здесь и сейчас, за определяемое его поступком (социальным действием) здесь и сейчас будущее.

Человек вновь оказывается в центре мироздания и наделяется новой мерой ответственности за это мироздание. Новая этика конституируется на отказе от своих традиционно базовых атрибутов; это контекстуальная непредписывающая этика, она не распространяет готовых всеобъемлющих истин – это этика-технология, основанная на модели самоорганизации человеческой субъективности – вне навязываемых ей извне регламентаций и ограничений нравственных и моральных кодексов.

Она акцентирована не на выполнении субъектом неких общих предписаний, а на сугубо ситуативном (человеческим управлением собою) при посредстве окружающих, оценивающих поведение (социальные действия) субъекта в режиме реального времени с позиций (нанесения – не нанесения) вреда (ущерба).

Те, кто поступал плохо по отношению к другим, вредил им, не смогут это делать, будучи технологически ограничены с помощью экосоциальных технологий дисциплинирования. А те, у кого будут сформированы в процессе воспитания нравственные привычки, будут созидать и не вредить.

Смена мировоззренческой парадигмы – это опора на нравственного человека, который спасет всех и каждого.

Спасение всех и каждого возможно только на восстановлении человеческого потенциала путем воспитания нового нравственного человека, не вреждающего и созидającego. Это единая цель гражданина и государства – воспитание нравственного человека. А нравственный человек укрепит государство, защитит общество, обеспечить национальную безопасность и экономику, во главе угла которой поставлена не прибыль, а всестороннее развитие, обучение и воспитание человека, который не вредит себе и другим людям, и созидает для других людей и в итоге, для себя. Это всеобщий путь в будущее, **ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ для всего человечества**.

Новая этика обеспечивает примат духовного над материальным, задает нравственное координирующее начало любого дела. Социальные субъекты не должны наносить ущерба друг другу, все проблемы решаются в дискурсах. **Привычка нравственного поведения социальных субъектов в публичных и частных отношениях, построенных на принципе непричинения ущерба друг другу, формируется автоматически путем практического применения экосоциальных технологий.**

Дискурсивно-оценочный метод, используемый в управлении и иной деятельности, позволяет каждому человеку стать субъектом своей жизнедеятельности, созидать для других людей и себя; не вредить среде обитания, соседям и себе. Так обеспечивается смена мировоззренческой парадигмы.

Рис. 8 Смена этической мировоззренческой парадигмы мышления и поведения человека

Выводы

В ходе исследования было обосновано, что цель старой этики, заключавшаяся в чисто манипулятивном разделении людей на «добрых» и «злых», «хороших» или «плохих», «наших» или «не наших», оказалась

противоречивой, обманчивой, вредной для всего человечества; возникло неравенство, эксплуатация и угнетение человека человеком, летальные войны.

Старая мировоззренческая парадигма мышления была основана на примате материального над духовным в мышлении и поведении человека.

Новая мировоззренческая парадигма мышления основана на следующих принципах, правиле, методе и технологии:

глобальный экологический принцип (ГЭП): человек не должен вредить себе, другим людям и среде обитания;

глобальный этический нравственный принцип (ГЭНП): человек должен вести себя так, чтобы не вредить себе, другим людям и среде обитания;

нравственное правило III-С: не вреди себе (С1), соседям (С2), среде обитания (С3) ни мыслью, ни словом, ни делом; создай для себя, соседей, среды мыслью, словом, делом;

технология смены этической мировоззренческой парадигмы основана на дискурсивно-оценочном методе (ДОМ), который заключается в организации широкого участия граждан в обсуждении и оценке социально-значимых решений с позиций ГЭП, ГЭНП, III-С;

экосоциальные технологии, под которыми понимается совокупность приемов применения дискурсивно-оценочного метода при формировании новой мировоззренческой парадигмы.

Смена мировоззренческой парадигмы обеспечивается нравственным воспитанием, просвещением, пропагандой, органами государственной и муниципальной власти, управления общественными и частными организациями.

Для воспитания нравственности в образовательных учреждениях и иных организациях проводятся занятия по нравственности, в том числе уроки «Разговоры о важном».

В ходе уроков и занятий по нравственности граждане, руководствуясь нравственным правилом, овладевают умением давать публичные нравственные оценки событиям и действиям, которые совершаются другими субъектами. Умение распознавать безнравственные поступки в собственном поведении, и поведении других граждан и организаций – обязательный учебный результат проведения урока светской этики.

Подготовка и реализация уроков и занятий по нравственности обеспечивается органами государственной и муниципальной власти, управления общественными и частными организациями, родителями и лицами, их замещающими.

Нравственное просвещение и пропаганда нравственности организуются в средствах массовой информации и с помощью информационно-коммуникационных ресурсов. Они направлены на

наглядное представление преимуществ нравственного поведения и обеспечивают предоставление каждому гражданину примеров наступления правовой ответственности за безнравственность, не этическое поведение и бессовестность.

Смена мировоззренческой парадигмы представляет собой *процесс*, обеспеченный экосоциальными технологиями.

Смена мировоззренческой парадигмы мышления приведет к формированию на планете Земля нравственной атмосферы, которая обеспечит подлинную свободу гражданам, установит справедливость для всех, создаст легитимное благосостояние (богатство) для каждого. Летальные войны отойдут в прошлое. Противоборство людей будет осуществляться с помощью мягкой силы, нелетальные войны будут выигрывать та сторона, которая добьётся нравственного превосходства над своим противником.

Как отмечают В.А. Чигирев и П.И. Юнацкевич, этика должна быть общей для всего человечества и всех технических систем (в том числе и искусственного интеллекта), создаваемых людьми. Основу всеобщей этики составляет нравственное правило III-C (не вреди себе (C1), соседям (C2), среде обитания (C3) ни мыслью, ни словом, ни делом; созидай для себя, соседей, среды мыслью, словом, делом). Человек с раннего детства должен осваивать нравственное правило III-C. Задача каждого родителя и руководителя – научить граждан соблюдать правило III-C. Это путь к миру, гармонии, способ обеспечения смены мировоззренческой парадигмы.

Поскольку искусственный интеллект не обязан разделять человеческие мотивации, разработчики искусственного интеллекта должны заложить в него всечеловеческую этику, основанную на нравственном правиле III-C.

Нравственное правило III-C устраняет искусственную сложность систем человеческих ценностей, ведущих к очень трудному созданию удобных для человека мотиваций ИИ. До наших исследований вся моральная философия не давала человечеству безупречную этическую теорию. Она допускала множество вредных сценариев, которые соответствуют этической структуре старой парадигмы мышления, подчиненной приоритету материализма над духовно-нравственными основами человеческой жизнедеятельности. Такой приоритет назывался «здравым смыслом». Опираясь на него, осуществлялось морально оправдание убийства и ограбления человека и целых народов.

В.А. Чигирев и П.И. Юнацкевич дали всему миру новую всечеловеческую этику, основанную на нравственном правиле III-C, которое образует четкую границу между здравым смыслом и бесчеловечностью. Ученые добавляют «здравому смыслу» нравственные основания (правило III-C), закладывают в этику дискурсивно-оценочный

метод, что позволяет уйти от канонизации, догматизации норм. Нормы пластичны, задаются, утверждаются, изменяются в зависимости от обстоятельств общественным дискурсом и оценкой с позиций нравственного правила III-C:

человек, чтобы не думал, он не должен задумывать причинить вред самому себе, другим людям и среде обитания;

человек, чтобы не говорил, он не должен письменно или вслух говорить о причинении вреда себе, другим людям и среде обитания;

человек, чтобы не делал, он не должен совершать деяния, направленные на причинение вреда себе, другим людям и среде обитания;

Тогда с таким здравым смыслом есть основания полагать, что искусственно созданный разум будет обладать такой адаптацией, при которой он не будет вредить людям.

Мы предлагаем такой дизайн искусственного интеллекта, который избегает всех типов безнравственного мышления и поведения. Машинная этика (или машинная мораль) — это область исследований, связанных с разработкой искусственных моральных агентов, роботов или искусственно интеллектуальных компьютеров, которые ведут себя в строгом соответствии с этическим правилом III-C. Природа этих агентов определяется содержанием экологической дискурсивной этикой.

Стандартные характеристики субъектности, рациональных агентов, моральных факторов и искусственной субъектности должны быть связаны с новой мировоззренческой парадигмой мышления человека, то есть иметь нравственные основания и отражать их в процессе своей субъективации.

Айзек Азимов рассмотрел эту проблему в 1950-х годах в своей серии рассказов «Я, робот». По настоянию своего редактора Джона У. Кэмпбелла младшего для управления искусственно интеллектуальными системами он предложил Три закона робототехники. Большая часть его работы была потрачена на проверку границ трех его законов, чтобы увидеть, где они могут сломаться или где они могут вызвать парадоксальное или непредвиденное поведение. Его работа предполагает, что ни один из установленных законов не может в достаточной мере предвидеть все возможные обстоятельства.

В.А. Чигирев и П.И. Юнацкевич свели всю концепцию Айзека Азимова к новой этике роботов – *«Я робот, значит я нравственное создание, я не создаю угрозу для человека, я не причиняю вред человеку»*. Категория «вред» достаточно полно описана в уголовном праве каждой страны мира. Переопределение категории «нравственность» через категорию «не вредить» позволяет создать технологическое и программное обеспечение смены мировоззренческой парадигмы, и

использовать новые базовые этические основы создания роботов и любых технических систем, в том числе и систем искусственного интеллекта.

Мы обосновали идею о привлечении к ответственности ИИ, если при его участии будет причинен вред человеку. ИИ, его разработчики и производители, операторы должны нести ответственность перед обществом и государством за вред, причиненный людям.

Человеческие мотивы безвредного повеления имеют качество, требующее непрерывного обучения нравственному правилу III-C в различных дидактических формах представления.

Неэтичным является использование боевых роботов в причинении вреда человеку при ведении боевых действий. По мере усложнения военных роботов следует уделять больше внимания использованию их для нелетальных гуманных военных операций, не предусматривающих убийство человека.

Необходимо создавать нравственный ИИ. Тогда прогресс, который уже происходит с ИИ, будет также включать усилия, направленные на создание более нравственного, дружелюбного и гуманного ИИ.

Чтоб системы ИИ были самодостаточны и способны принимать собственные решения, они должны обладать экологической дискурсивной этикой. Правило III-C является этическим регулятором компьютеров и роботов, которые приобретают любой уровень автономии, и степени использования таких возможностей, чтобы не представлять какую-либо угрозу или опасность для человека.

Самосознание человека, общества и всех создаваемых человеком технических систем должно регулироваться нравственным правилом III-C. Такая общая для людей и технических систем этика исключит все потенциальные опасности и подводные камни общественных отношений и взаимодействия общества и технических систем.

Технологии, которые действительно могут привести к роботам с моральными способностями, были разработаны еще в СССР (В.А. Чигирев, П.И. Юнацкевич). Нейроморфные чипы стремятся обрабатывать информацию аналогично людям, нелинейно и с миллионами взаимосвязанных искусственных нейронов. Роботы со встроенной нейроморфной технологией изучают и развивают знания уникальным образом. Такие роботы познают мир, осваивают в процессе машинного обучения в том числе и такие моральные установки, которые закладывают в тексты разработчики. Эти материалы зачастую могут отражать социальную логику социопатов, лиц без совести, утративших чувство нравственности и сопереживания другим людям. Чтобы роботы не унаследовали человеческие «слабости»: эгоизм, произвол, гедонизм, безнравственность, социальный паразитизм и так далее, в сенсоры этих роботов монтируется призма нравственности, чтобы восприятие учебных материалов, а также действительности робот осуществлял через логику

нравственного правила III-C. Только так можно получить безвредных роботов, ИИ, и другие технические системы, которые будут созданы человеком.

Научить роботов поступать правильно, законно, безопасно и созидательно для человека, значить заложить в их программу правило III-C. Тогда деревья их решений будут подчиняться экологической дискурсивной этике, станут безопасны, прозрачны и предсказуемы для общества.

Этика важна не только для машинного обучения. В этическом регуляторе нуждается общество и государство. Физически этот регулятор представлен общественным сознанием, мировоззренческой парадигмой человека и общества. Смена парадигмы – это в первую очередь смена этики материализма, идеологии-технологии и религии денег (веры в деньги как в Бога) на новую этику, которая и образует новую мировоззренческую парадигму.

Этика – это наука о нравственности. Предмет этики – нравственное мышление и поведение человека, выступающие основанием для всех общечеловеческих ценностей, содержание которых связано с нравственным правилом III-C.

Список этих ценностей задается, уточняется, корректируется обществом путем применения дискурсивно-оценочного метода. Сами ценности могут иметь различные виды и формы, однако их содержание будет тождественно содержанию правила III-C. Эта общая нравственная основа обеспечивает возможности мирного сосуществования культур.

Термин «Этика» (греч. – этос, «нрав, обычай») понимается нами как нравственный обычай соблюдать правило III-C. Тут не нужно быть моралистом, важно просто соблюдать это универсальное правило – *не вредить и созидать*. Это и есть предмет познания этики как философской науки.

Понятие мораль не тождественно категории нравственности. Нравственность лежит в основании морали, которая является её производной.

Мораль (лат. *Moralis*) отражает принятые в обществе нормы поведения. В ходе дискурсивно-оценочных практик эти нормы меняются, но сути их остается – нравственное основание не может быть оторвано от морали. Мораль отражает нравственные взгляды и чувства, жизненные ориентации, цели и мотивы поступков, проводя границу между тем, что вредно, а что пока не причиняет вред.

Старая моральная граница, которую устанавливали философы до XXI века – граница между добром и злом, выгодой и бесполезностью, доходностью и бедностью – устарела. Со сменой мировоззренческой парадигмы актуальной стала другая более четкая моральная граница, обозначенная категориями «вредно» и «безвредно», которые в состоянии

почувствовать любой человек. Такое понимание морали позволяет обеспечить выживание индивидам и существенно сократить летальность войн.

При рождении каждый человек получает нравственные основания мышления и поведения. Однако эти основания нужно постоянно укреплять путем регулярного напоминания нравственного правила III-C. Тогда врожденные нравственные качества будут раскрываться в человек не протяжении всей его жизни. Нравственность должна быть не только внутри человека, но и снаружи. Она воспитывается буквально с первого года жизни человека.

Этика как наука о нравственности неразрывно связана со всеми религиозными и светскими философскими учениями и доктринами. Основа этики (нравственное правило III-C) носит интегративный комплексный характер, что позволяет ей образовывать мировоззренческую парадигму.

Поэтому мы утверждаем, что смена мировоззренческой парадигмы начинается со смены этики.

Особенности морального сознания:

мораль отражает нравственное правило III-C;

мораль задается и изменяется общественным обсуждением и оценкой норм и правил поведения, ориентированных на разные степени соответствия нравственному правилу III-C.

Слом морали или ее имитацию осуществляют социопаты, которые в силу своего общественно-опасного заболевания (социопатия) утратили совесть, нравственность, ответственность, чувство сопереживания, милосердия к другим людям. Они активно проникают во властные иерархии и начинают проявлять свой произвол, маскируя свой его очередным набором моральных ценностей, которые носят более характер лозунга, чем основы мировоззрения.

Моральные суждения не нуждаются в обосновании, если они отражают правило III-C. Если они не отражают это правило, тогда они становятся непонятны обществу. В этом случае заинтересованные группы социопатов навязывают псевдо-мораль. Например, запрет на бинарное разделение полов и утверждение различных их множеств и комбинаций. Навязывание непонятной псевдоморали осуществляют с помощью средств религии, государственного управления, денег и определенной субкультуры. Происходит это до тех пор, пока общество не станет сопротивляться, ощутив угрозу своему нравственному здоровью.

Моральный закон всегда выше формального юридического права.

Мораль зародилась как отношение общества и личности. Она регулятор межличностных отношений и поведения человека в социуме. Важная черта нравственного отношения человека и общества – это сочетание личного и коллективного интереса. Это сочетание

балансируется с помощью дискурсивно-оценочного метода. Уменьшение дискурсивности приведет к разному этим отношениям, начнется очередная социальная катастрофа.

Поэтому если мы говорим о наведении нравственно-правового порядка в государстве, значит, мы должны придать больше дискурсивности государству. Все решения должны оцениваться, обсуждаться с обществом. Иначе неизбежна социальная катастрофа.

Гуманизм – неотъемлемое нравственное качество личности. Термин «гуманизм» был введен в научно – просветительский оборот немецким педагогом Ф. Нитхаммером в 1808 году. «Гуманизм (от лат. *humanitas* – человечность, *humanus* – человеческий, *homo* – человек) – мировоззрение, в центре которого находится идея человека как высшей ценности. Гуманизм утверждает ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие, проявление своих способностей Гуманизм – это любовь и уважение к личности через милосердие и сострадание!

Сейчас мы живем в эпоху смены мировоззренческой парадигмы, которая по своей сути отражает прогресс нравственного сознания, то есть «золотой век» человечества впереди.

Прогресс общества, истории, науки, искусства, экономики, безопасности, образования, права - есть прогресс нравственности. Эти процессы совпадают. Нравственные ценности приобретают общенациональные черты (всеобщность законов морали).

Высокообразованный человек – это моральный человек, придерживающийся в своей жизнедеятельности правила III-C. Быть человеком, т. е. быть нравственным, и есть главная основа морали. Важен нравственный мотив действий человека. Этот мотив нуждается в постоянном укреплении системами обучения и воспитания, содержание которых должно отражать нравственное правило III-C.

Моральное сознание включает в себя три уровня: распознавание, рациональный и эмоциональный.

Распознавание – есть мыслительный и эмоциональный процесс наложения образа нравственного поведения и мышления, отражающих правило III-C, на объекты внимания. Распознавание что есть вредно для человека и то не вредит ему имеет биологические и социальные основания. Биологические основания заданы рефлексом безопасности. Индивид, почувствовав вред, то есть, ощутив препятствие своей жизнедеятельности, получает из своей нервной системы управленческий сигнал выйти из зоны соприкосновения с источником вреда. Социальные основания заключаются в распознавании социальных субъектов, которые несут угрозу или причиняют вред человеку как гражданину, члену общества. Однако социальные системы, такие как право, безопасность, не всегда могут дать управленческий сигнал человеку покинуть зону соприкосновения с источником угроз и вреда. Этот недостаток образован

старой мировоззренческой парадигмой, которая и подлежит смене, так как именно старая мировоззренческая парадигма задавала неадекватные образы распознавания, часто выдавая вредителей человечества за так называемых «спасителей нации» и тому подобное.

Рациональный уровень морального сознания включает в себя знание нравственного правила III-C, и проистекающего из этого правила принципов, норм и категорий морали; понимание их сущности и необходимости применения; и принятие, т. е. согласие с ними.

Эмоциональный уровень морального сознания характеризует непосредственную реакцию личности на событие, отношение и т. д. Этот уровень включает в себя чувства, эмоции, переживания, настроения личности. Неприятие безнравственного поведения, нетерпимость к эгоизму, произволу, несправедливости, бесчеловечности, бессовестности обеспечивает защиту человека на эмоциональном уровне от вредителей, которыми являются социопаты.

Исходя из этого, формируются функции морали:

1. Функция распознавания, что есть вредно (безнравственно) и что не причиняет вреда (нравственно).

2. Регулятивная функция: мораль – это форма регуляции поведения и жизни человека. Средства регулирования: нормы, идеалы, принципы, традиции, обычаи, заповеди, общественное мнение, ценности, авторитеты и др.

3. Оценочная функция. Предметом оценки с точки зрения нравственного правила III-C и проистекающих из этого правила моральных понятий являются поступки людей, их намерения, мотивы, личные качества, действующее право, политика государства и многое другое. Человек постоянно оценивает всё, что входит в поле его жизни. Оценка и обсуждение оценки моральных качеств других людей позволяет человеку укреплять собственные моральные качества. Нет оценки и обсуждения этих качеств – нет и самих моральных качеств.

4. Ориентирующая функция. Мораль позволяют выработать систему приоритетов, предпочтения одних норм другим, сформировать стратегию и тактику поведения. Эта функция – «нравственный компас», позволяющий выявить наиболее предпочтительные варианты поведения, отвечающие требованиям нравственного правила III-C:

Не вредите - невредимы будете.

Не вреди себе!

Не вреди соседу!! Иначе сосед навредит тебе.

Не вреди среде!!! Иначе среда навредит тебе.

Чтобы не навредить себе, нужно не *вредить* другим людям и среде обитания - то есть стать добровольцем нравственного пути. Не *вреди* себе - здесь и сейчас - и ты обеспечишь светлое будущее себе и своим потомкам.

Нравственность заключается в *непричинении вреда себе, соседям, среде обитания*. **Другие** определяют жизненный путь каждого человека. Они оценивают и обсуждают любого гражданина или (и) начальника. Если *другие* установят, что от этого конкретного гражданина или (и) начальника есть *вред, то доверия к нему НЕТ*. Поэтому вредитель, утративший доверие, тут же становится объектом влияния других. Это влияние может быть разным, опасным и даже смертельным. Чтобы избежать вреда от других, ***вредитель может спастись, встав на нравственный путь***. Для самосохранения ему важно перестать вредить другим, чтобы в итоге *не вредить себе!!!*

5. Воспитательная функция морали определяется участием в созидательном труде на благо других, исключая причинение им вреда (*созидай и не вреди*).

6. Познавательная функция может рассматриваться с позиции ценностных ориентаций, т. е. важно не само знание моральных принципов, а их принятие индивидом и проявление в его деяниях.

7. Гуманистическая – формирующая лучшие человеческие качества, отражающие нравственное правило III-C.

Центральным моментом нравственной деятельности является поступок, который характеризует способность человека к сознательной постановке созидательных целей, выбору соответствующих им средств и самостоятельному, внутренне свободному, морально ответственному действию. Поступок включает два компонента: мотив и оценку (самооценку). Мотив играет роль импульса, побудителя к действию: немотивированных поступков не существует. Мотивация указывает на предпочтение индивидом тех или иных ценностей. Мотивы и результаты поступка могут не совпадать или не соответствовать друг другу. Например, «хотели как лучше, а получилось как всегда». Почему так всегда бывает? Ответ удивительно прост: на каждое благое дело находится социопат, который это дело извращает до неузнаваемости, придает ему имитационный характер. Пока каждый человек не научится выявлять социопатов, пометать их и удалять их из систем государственного управления и общественного самоуправления, до тех пор *«благими намерениями социопаты будут устилать путь в ад»*. Обществу также важно научить каждого человека распознаванию социопата. Это позволит сформировать механизм избегания социопата как в личной жизни, так и в системах государственного управления и общественного самоуправления: *«Чувствуешь вред – говори нет»*. Кроме того раннее выявление и профилактика наведенной социопатии в системах образования позволит во времени минимизировать в обществе и государстве лиц, пораженных этим общественно-опасным заболеванием.

Один и тот же мотив может подтолкнуть человека на разные поступки (например, любовь к женщине может вызвать стремление к самосовершенствованию, чтобы завоевать ее сердце, а может обернуться желанием уничтожить соперников в случае наведенной социопатии). Вместе с тем, одна и та же линия поведения всегда продиктована социальным мотивом положительной обратной связи, когда общество признает человека созидателем, тружеником. Стремление к материальному вознаграждению при смене мировоззренческой парадигмы переходит на второй план. Деньги в нравственной экономике играют роль инструмента обеспечения благополучия. Функция веры, идеологии и технологии у денег отнимается обществом и государством, которые встали на нравственный путь своего развития.

Моральная оценка предполагает осуждение или одобрение поступка человека, его поведения, образа мыслей или жизни на основе требований морали. Она играет большую роль в нравственной регуляции поведения, т. к. все мы жаждем одобрения путем совершения созидательных поступков. Деструктивной деятельностью нормальный человек не может заниматься до тех пор, пока не станет жертвой наведенной социопатии, идеологии-технологии и религии денег.

Основанием для индивидуальной, групповой и массовой этической оценки выступают моральные принципы, нормы, идеалы, моральные качества и созидательные поступки человека. Результаты этой оценки стимулируют нравственное поведение и блокируют безнравственное.

Основные моральные качества можно разделить на следующие группы:

- мировоззрение (нравственное или безнравственное, духовное или материальное);
- идейно – политические качества (солидарность, справедливость, коллективизм, гражданственность, патриотизм, защита Отечества и др.);
- деловые качества, основным из которых выступает чувство долга и личной ответственности за порученное дело, привычка заниматься умственным и физическим трудом и др.);
- гуманистические качества, т. е. качества, характеризующие положительное или отрицательное отношение к человеку как к высшей ценности (крепкая семья и брак, любовь, уважение, милосердие, достоинство и др.);

Личность создается в моральном поступке, т. е. важно не просто знать моральные принципы, но и поступать согласно им. Здесь большую роль играет гуманитарная составляющая образования и воспитания, гуманизация образования в целом.

Гуманизация образования – система мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании

образования и, таким образом, на формирование нравственной личности, соблюдающей в мышлении и поведении нравственное правило III-C.

Результаты нашего исследования позволяют разделить этику на три части: **экологическую** (содержащую глобальный экологический принцип, глобальный экологический нравственный принцип, нравственное правило III-C), **дискурсивную** (содержащую дискурсивно-оценочный метод и создаваемые на его основе дискурсивно-оценочные практики) и **технологическую** (экосоциальные технологии дисциплинирования и нравственного воспитания – экопедагогку).

Новая структура этики как науки о нравственности выступает основанием для внесения соответствующих изменений в социальную практику общества и системы государственного управления и международных отношений. Таким образом мы осуществили методологическое переформатирование этики, обосновали ее общечеловеческое содержание, предложили технологию смены мировоззренческой парадигмы.

Основные идеи квалификационной работы Горюнкова С.В. отражены в следующих трудах:

Горюнков С.В. Смена мировоззренческой парадигмы - стратегическая задача России. Санкт-Петербурга, НК ВГСТ, 2022. - 158 с.

Горюнков С.В. Глобальный кризис как шанс поумнеть. СПб.: Издательский дом «Нравственный мир», 2009. — 120 с.

Горюнков С. В. Мета-коды культуры. СПб.: ООО «Контраст». 2018 — 304 с.

Горюнков С.В. Закулисье пушкинских сказок. Гвидонерия. Мёртвая царевна и спящий народ. Тайна золотого петушка. СПб.: «Алетейя», 2020. — 594 с.

Горюнков С.В. На пороге новой мировоззренческой парадигмы (сборник статей). СПб.: «Алетейя», 2020. — 550 с.

Статьи в научных сборниках и на университетских сайтах

1. Горюнков С.В. Самовоспроизводство и мифология: тезисы докладов // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: изд-во Томского ун-та, 1985. С. 5–7.

2. Горюнков С.В. О соотношении мифологии и онтологии (в свете идей В. И. Вернадского) // Ноосфера и художественное творчество: сб. ст. / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: «Наука», 1991. 280 с. С. 88–100.

3. Горюнков С.В. О жизни, смерти и бессмертии как о метаязыковом содержании мифов // Жизнь. Смерть. Бессмертие: мат. науч. конф.,

проведенной в декабре 1993 г. в Санкт-Петербурге Государственным музеем истории религии. СПб: «Образование», 1993. 128 с. С. 16–18.

4. Горюнков С.В. О методологическом аспекте темы «Вещь в контексте культуры» // Вещь в контексте культуры: мат. научной конф. СПб: Институт истории мат. культуры, 1994. С. 19–20.

5. Горюнков С.В. Говорящие обезьяны и тайна языка // Вопросы культурологии. 2008. № 4.

6. Горюнков С. В. Приведет ли нас право к правде? / Горюнков С. В. Глобальный кризис как шанс поумнеть. СПб: Изд. дом «Нравственный мир», 2009. 120 с. С. 114–118.

7. Горюнков С.В. Пушкин и норманистская теория / Горюнков С. В. Глобальный кризис как шанс поумнеть. СПб: Изд. дом «Нравственный мир», 2009. 120 с. С. 104–105.

8. Горюнков С. В. Кризис историзма и пути его преодоления // Семиозис и культура. Философия и антропология разрыва (текст, сознание, код). Сыктывкар: Коми пединститут, 2010. Выпуск 6. С. 65–69.

9. Горюнков С.В. О предпосылочных основаниях культурогенеза. Проблемные аспекты и тенденции в их изучении // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием “Креативность в пространстве традиции и инновации”. Тезисы докладов и сообщений. СПб: ЭЙДОС, 2010. 556 с. С. 39.

10. Горюнков С.В. В рабстве у слов: к проблеме качества гуманитарных экспертиз // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», 2011, № 2. <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/>

11. Горюнков С.В. Критерий научности и ранние формы ментальности // Homo eurasicus. 2010. URL: <http://culturalnet.ru/main/getfile/952> (дата обращения: 16.03.2011).

12. Горюнков С.В. Метаязык мифов и матричный принцип // Мировоззрение населения Южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. Вып. V. 294 с. С. 11–20.

13. Горюнков С.В. Фантомы и фикции исторической науки: анализ методологической ситуации // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. 2 (март/апрель). / <http://pu-journal.ru/e-pu/2015/2/GoriunkovPhantoms-Fictions-History/>.

14. Горюнков С.В. Между верой и знанием: ловушка псевдовыбора // Тринадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России: история в современности: мат. Всероссийской научно-практической конференции Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусства, 2015. 315 с. С. 44–53.

15. Горюнков С.В. К вопросу о переоснащении теоретико-методологического аппарата исторической науки // Научный журнал

Московского гуманитарного университета «Знание. Понимание. Умение». Фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук. № 3. М. Издательство Московского гуманитарного университета, 2016, с. 193–207.

16. Горюнков С.В. О проблемах изучения внутреннего мира личности в свете кризиса методологической мысли // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. СПб, 2017, № 2 (28). С. 15–21.

17. Горюнков С.В. О методологических проблемах изучения общественного сознания // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2020. Т. 34, № 2. С. 156–166.

18. Горюнков С. В. О лженаучности исторического материализма (эл. ресурс) // Scientific consortium | <https://sci.ast.social/resheniya/341-i-o-lzhenauchnosti-istoricheskogo-materializma.html>

19. Горюнков С.В. Проблема историчности историзма. О кризисе общенаучной методологии и о перспективах выхода из него // Журнал «Свободная мысль». № 4, 2021. С. 109–122.

20. Горюнков С. В. О научной мифологии и о «круге в доказательстве» // Homo eurasicus в системах экологических и социальных связей: коллективная монография по материалам VIII Международной научно-практической конференции 24 октября 2017 г. СПб: L-Print, 2018. 139 с. С. 125–130.

21. Горюнков С. В. О проблемах изучения смысловой организации культуры (эл. ресурс) // Горизонты гуманитарного знания. М.: Изд. Московского гуманитарного ун-та, 2019, № 1 / <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/955>

22. Горюнков С.В. Историзм: кризис понятия и пути его преодоления // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4 – Культурология [Электронный ресурс] URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Goriunkov/>

23. Горюнков С.В. К вопросу о переоснащении теоретико-методологического аппарата исторической науки // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2016. № 3 (эл. ресурс) URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/315>

24. Горюнков С. В. О герменевтике былин // Русская литература. СПб: «Наука», 2002. № 1. С. 100–108.

25. Горюнков С. В. О сюжете “Илья Муромец и Соловей Разбойник” // Русский фольклор. СПб: «Наука», 2004. Т. XXII. С. 229–264.

26. Горюнков С. В. О языке и содержании былин: вопросы теории и практики // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб: «Наука», 2011. Т. XXXIV. С. 37–62.

27. Горюнков С.В. О происхождении св. кн. Владимира по материнской линии // Известия русского генеалогического общества: вып. III. СПб: Ин-т генеалогических исследований, 1995. С. 93–95.

28. Горюнков С. В. О мотиве «куклы» в одной сибирской сказке // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Материалы Шестых Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 26–29 октября 2003 г. СПб: МАЭ РАН, 2005. 340 с. С. 242–246.

29. Горюнков С. В. К вопросу о Соловье Разбойнике: опыт исторического взгляда на понятие «разбойник» // Уваровские чтения – IV. «Богатырский мир: эпос, миф, история». Муром, 14 – 16 апреля 1999 г. — Муром, 2003. 115 с. С. 62–65.

30. Окуневский изобразительный канон как зеркало историко-семантических проблем // Homo Eurasicus в системах этнокультурных связей: коллективная монография по материалам VII Международной научно-практической конференции 25 октября 2016 г. Москва/Берлин: «Директ-Медиа», 2017. 360 с. С. 268–291.

31. Горюнков С. В. Археология как образ жизни (воспоминания об Эльге Борисовне Вадецкой) // Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. Выпуск 34. СПб, 2022. 374 с. С. 66–70.

32. Горюнков С.В. О методологическом аспекте темы «вещь в контексте культуры» // Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции, февраль, 1994. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 1994. С. 19–20.

Цикл статей «Смена мировоззренческой парадигмы —
стратегическая задача культурной политики России»

1. Горюнков С.В. Смена мировоззренческой парадигмы — стратегическая задача культурной политики России. I. Власть над умами: специфика и функции // Общество. Среда. Развитие. № 2, 2022.

2. Горюнков С.В. Смена мировоззренческой парадигмы — стратегическая задача культурной политики России. II. Прощание с наивным историческим объективизмом // Общество. Среда. Развитие. № 3, 2022.

3. Горюнков С.В. Смена мировоззренческой парадигмы — стратегическая задача культурной политики России. III. Эволюция как эпифеномен матричного принципа // Общество. Среда. Развитие. № 4, 2022.

4. Горюнков С.В. Смена мировоззренческой парадигмы — стратегическая задача культурной политики России. IV. Научная реабилитация понятия «смысл жизни» // Общество. Среда. Развитие. № 1, 2023 (принят и готовится к публикации).

Цикл статей «Введение в мифологическую теорию
культурогенеза»

1. Горюнков С.В. Введение в мифологическую теорию культурогенеза. Часть 1. Проблема предпосылочных оснований // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4 – Культурология. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Goriunkov_Culture_Genesis/
2. Горюнков С.В. Введение в мифологическую теорию культурогенеза. Часть 2. Проблема непроявленной семантики // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/4/Goriunkov_The_Problem_of_Undeveloped_Semantics/
3. Горюнков С.В. Введение в мифологическую теорию культурогенеза. Часть 3. Метаязык мифов и матричный принцип // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/5/Goriunkov_Metalanguage_of_Myth/
4. Горюнков С.В. Введение в мифологическую теорию культурогенеза. Часть 4. Матричный принцип и эволюция // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/5/Goriunkov_Matrix-Principle-Evolution/
5. Горюнков С.В. Введение в мифологическую теорию культурогенеза. Часть 5. Программирующая функция культуры // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/1/Goriunkov_The-Programming-Function-of-Culture/
6. Горюнков С.В. Введение в мифологическую теорию культурогенеза. Часть 6. «Тезаурусное лицо» культуры // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/5/Goriunkov_Thesaurus-Face-of-Culture/
7. Горюнков С.В. Введение в мифологическую теорию культурогенеза. Часть 7. Историческая динамика культуры // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/6/Goriunkov_Historical-Dynamics-of-Culture/
8. Горюнков С.В. Введение в мифологическую теорию культурогенеза. Часть 8. Диалогический аппарат культуры // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Goriunkov_Dialogical-Apparatus/

9. Горюнков С.В. Введение в мифологическую теорию культурогенеза. Часть 9. Метаязыковое содержание культуры // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 2. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Goriunkov_Metalinguistic-Content/

Цикл статей «Зомбирование по-академически»

1. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс лекций). Лекция 1: Научная мантра (эл. ресурс) // Институт нравственности. 2015. URL: <http://in.ast.social/420-zombirovanie-po-akademicheski-nauchnaya-mantra.html>

2. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс лекций). Лекция 2: Фикция «связного научного мировоззрения» (эл. ресурс) // Институт нравственной культуры. 2015. URL: <https://iov.ast.social/news/677-2015-04-26-20-31-01.html>

3. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс лекций). Лекция 3: Психосоциальная шизофрения (эл. ресурс) // Институт информальной юстиции. 2015. URL: <https://uigk.ast.social/menu-news/527-3-zombirovanie-po-akademicheski-kurs-lektsij.html>

4. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс лекций). Лекция 4: Упрощённое сознание (эл. ресурс) // Институт информальной юстиции. 2015. URL: <https://uigk.ast.social/menu-news/529-4-zombirovanie-po-akademicheski-kurs-lektsij.html>

5. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс лекций). Лекция 5: Почему распался Советский Союз (эл. ресурс) // Институт информальной юстиции. 2015. URL: <https://uigk.ast.social/menu-news/530-5-zombirovanie-po-akademicheski-kurs-lektsij.html>

6. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс лекций). Лекция 6: Что такое идеология (эл. ресурс) // Институт информальной юстиции. 2015. URL: <https://uigk.ast.social/menu-news/531-6-zombirovanie-po-akademicheski-kurs-lektsij.html>

7. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс лекций). Лекция 7: История как проблемное поле (эл. ресурс) // Институт информальной юстиции. 2015. URL: <https://uigk.ast.social/menu-news/533-7-zombirovanie-po-akademicheski-kurs-lektsij.html>

8. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс лекций). Лекция 8: Между верой и знанием (эл. ресурс) // Институт информальной юстиции. 2015. URL: <https://uigk.ast.social/menu-news/536-8-zombirovanie-po-akademicheski-kurs-lektsij.html>

9. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс лекций). Лекция 9: Смысл жизни: фикция или спасательный круг? (эл. ресурс) //

Институт информальной юстиции. 2015. URL: <https://uigk.ast.social/menu-news/540-9-zombirovanie-po-akademicheski-kurs-lektsij.html>

10. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс лекций). Лекция 10: Ситуация с теорией развития (эл. ресурс) // Академия экосоциальных технологий. 2015. URL: <https://ast.social/513-10-zombirovanie-po-akademicheski-kurs-lektsij.html>

11. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс лекций). Лекция 11: Троянский вирус культуры (эл. ресурс) // Институт нравственной культуры. 2015. URL: <https://iov.ast.social/news/699-11.html>

12. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс методологических лекций). Лекция 12: Программирующая функция культуры (эл. ресурс) // Академия экосоциальных технологий. 2015. URL: <https://ast.social/522-12-zombirovanie-po-akademicheski.html>

13. Горюнков С.В. Зомбирование по-академически (курс методологических лекций). Лекция 13: Два поплавка (эл. ресурс) // Институт информальной юстиции. 2015. URL: <https://uigk.ast.social/menu-news/553-13-zombirovanie-po-akademicheski.html>

14. Горюнков, С.В. Зомбирование по-академически (курс методологических лекций). Лекция 14 (итоговая): О кризисе предпосылочных оснований научного мировоззрения (эл. ресурс) // Институт нравственной культуры. 2015. URL: <https://iov.ast.social/792-14.html>

Научно-популярные и публицистические статьи

1. Сергей Горюнков. Приведет ли нас право к правде? / Горюнков С.В. Глобальный кризис как шанс поумнеть. СПб: Изд. дом «Нравственный мир», 2009. 120 с. С. 114–118.

2. Сергей Горюнков. Пушкин и норманистская теория / Горюнков С.В. Глобальный кризис как шанс поумнеть. СПб: Изд. дом «Нравственный мир», 2009. 120 с. С. 104–105.

3. Сергей Горюнков. Российский витязь на мировоззренческом распутье // Горюнков С.В. Закулисье пушкинских сказок. СПб: «Алетейя», 2022. 594 с. С. 574–590.

4. Сергей Горюнков. О сестрице Алёнушке и Яне Арлазорове // К барьеру, 2009, № 2.

5. Сергей Горюнков. Метафоризм «Слова о полку Игореве» и лихачёвщина // Молодая гвардия. 1996. № 6. С. 255–270.

6. Сергей Горюнков. Гвидонерия // Молодая гвардия. 2000. № 10. С. 182–218.

7. Сергей Горюнков. В рабстве у слов // Нева. 2013, № 8. С. 149–167.

8. Сергей Горюнков. О предпосылочных основаниях культуры // Нева. 2013, № 2. С. 127–144.

9. Сергей Горюнков. «Кощеево царство» - зловеющая социально-политическая формация современности (о теневом содержании понятия «фашизм») // Нева. 2022, № 7. С. 216-224.
10. Сергей Горюнков. О самом главном // Нева. 2023. № 2. С. 199–207.
11. Сергей Горюнков. О тайнах Софии Премудрости Божьей (к 150-летию Сергия Булгакова) // Аврора, 2021, № 6. С. 101–132.
12. Сергей Горюнков. О культуре синтеза правды и права (к 800-летию со дня рождения Александра Невского) // Аврора, 2021, № 2. С. 77–87.
13. Сергей Горюнков. Россия в глобальном мире: чужой и свой тексты // Наш современник, 2012, № 11.
14. Горюнков С.В. А.С. Пушкин о демократии / Горюнков С.В. Герменевтика пушкинских сказок. СПб: «Алетейя», 2009. 398 с. С. 387–395.
15. Сергей Горюнков. Странная судьба иносказательного Пушкина / Горюнков С.В. Герменевтика пушкинских сказок. СПб: «Алетейя», 2009. 398 с. С. 385–387.
16. Сергей Горюнков. Цена контакта // Литературный Санкт-Петербург, 12 ноября 2018 г.
16. Сергей Горюнков. О скрытой сути сталинских репрессий // Литературный Санкт-Петербург, 27 ноября 2017 г.
17. Сергей Горюнков. Таинственный мир смысловой реальности // Литературный Санкт-Петербург, 11 марта 2021 г.
18. Сергей Горюнков. Мантра замедленного действия // Литературный Санкт-Петербург, 12 сентября 2018 г.
19. Сергей Горюнков. Об опричнине без клеветы и фантазий // Литературный Санкт-Петербург, 27 ноября 2016 г.
20. Сергей Горюнков. О фантоме свободы // Литературный Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.
21. Сергей Горюнков. Грабли русской истории // Литературный Санкт-Петербург, 17 марта 2017 г.

Горюнков Сергей Викторович

СМЕНА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени доктора философии

Специальность: философия

Автор: Горюнков Сергей Викторович, директор научно-исследовательского центра «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕФОРМАТ»
Научного консорциума высоких гуманитарных и социальных технологий
(<https://sci.ast.social/resheniya.html>)

Издательство Института нравственности

Институт нравственности
196070, Санкт-Петербург, площадь Чернышевского, д. 2

<https://in.ast.social>
ni7571908@gmail.com

Неля Александровна Иванова
Директор редакционно-издательского отдела
Института нравственности

Отпечатано в типографии Института нравственности
196070, Санкт-Петербург, площадь Чернышевского, д. 2
<https://in.ast.social>
ni7571908@gmail.com